

А. В. Никитина (Санкт-Петербург)
**Яга-воительница: от богатырки до змееобразного
Чудища (ракурсы подачи типа)**

A. V. Nikitina (Saint Petersburg)
**Yaga-warrior: from a hero to a snake-like Beast
(options of the type presentation)**

Аннотация

В статье рассматривается тип Яги-воительницы. На текстовом материале выявляются специфика данного типа и общие характерные черты его подачи в сюжетах сказок о героях-богатырях. Выявляются элементы, связывающие данный тип с былинным эпосом, а также черты, подкрепляющие гипотезу о терио-морфном генезисе Бабы-Яги. Определяется соответствие типа Яги-воительницы принятой норме – традиционному сказочному образу Бабы-Яги в целом.

Ключевые слова: Баба-Яга, сказка, образ, тип, мифологические черты, семантика, воительница, богатырь, богатырка (поляница), героический эпос (былины), сюжет, мотив, К. В. Чистов, В. Я. Пропп

Abstract

This article analyzes a type of Yaga-warrior. Based on text materials, the specifics of this particular type and common features of its presentation in fairy tales about heroes (bogatyri) are defined. The elements that associate this type of Yaga with the epic poetry are defined as well as the features that confirm the hypothesis of the serpentine origin of Yaga. An accordance of the type of Yaga-warrior to the traditional fair-tale image is confirmed.

Keywords: Baba-Yaga, fairy tale, image, type, mythological features, semantics, female warrior, bogatyr', bogatyrka (poljanitza), epic poem (bylinas), plot, motive, K. V. Chistov, V. Ya. Propp

В 1997 г. вышла статья К. В. Чистова, затронувшая проблему соотношения мифологического происхождения, реального функционирования и семантики Бабы-Яги¹. Некоторые положения той статьи и замечания, касающиеся, в частности, типа Яги-воительницы, стали стимулом для обращения к сказочным текстам, в которых данный тип представлен, чтобы

¹ Чистов К. В. Баба-Яга. Заметки по славянской демонологии // Живая старина. 1997. № 2. С. 55–57.

прояснить, насколько соответствует действительности привычное, по сути стереотипное восприятие такового. Для рассмотрения было взято около ста сказочных текстов различного времени записи/публикации, относящихся к различным российским регионам². К подобному, но более масштабному пересмотру текстового материала по Бабе-Яге в целом призывал в своей статье и сам К. В. Чистов.

Мифологические корни и архаичность сложения образа Бабы-Яги несомненны, но Яга давно и полностью принадлежит сказке³, а сказка, русская в частности, как подчеркивает К. В. Чистов, связь с архаическим мифологическим сознанием опять же давно утратила «и на данный момент представляет собой явление профанное с отчетливой эстетической функцией»⁴. Добавим, что, скептически относясь к прохождению славянами стадии матриархата, К. В. Чистов полагал необоснованным трактовать Ягу как матриарха; равно как и не считал возможным говорить о ее амбивалентности, поскольку видел в этом перенесение «с верований и быличек» на сказку черт ей не свойственных, «оправданных только в пределах архаической традиции»⁵.

Коль скоро Яга – давний «исключительно сказочный» персонаж, существует сложившаяся каноническая норма его подачи/восприятия; К. В. Чистовым

² Перечень источников дан в конце работы; информация по текстовым примерам приводится по единому принципу: автор сборника (редко – исполнитель или название), номер текста/страницы, место записи (если неизвестно – неизв.), сокращение названия губ./обл. везде до суффикса -ск-, например – *Никифоров*: 109, Архангел. Рассматривались тексты сказок на сюжеты СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, К. А. Кабашников, Н. В. Новиков; отв. ред. К. В. Чистов. Л., 1979: 301 А, В ('Три подземных царства') – 48 текстов; 300 А ('Бой на Калиновом мосту') – 41 текст; 303 ('Два брата') – 18; 302₂ ('Смерть Кощея [от коня]') – 15; 519 ('Безногий и слепой богатыри') – 14; т. е. более ста текстов без учета вариантов из архивных описей и текстов, дающих дополнительную информацию по рассматриваемому типу Яги.

³ По мнению К. В. Чистова, «Баба-Яга, как и некоторые другие сказочные сверхъестественные существа – Кощей, Змей Горыныч и т. д., неизвестна в традиционных народных верованиях» (*Чистов К. В. Баба-Яга*. С. 55). В целом это справедливо, однако существуют заговоры, в которых фигурирует Яга, см.: Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным: Репринт издания 1880 г. М., 1990. С. 294–295 – заговор от тоски (№ 2, неизв.); с. 309–310 – заговор на присуху (№ 10, Архангел.); с. 313–314 – заговор любовный (№ 19, Архангел.) и др. Есть фиксации Яги как персонажа святочного и свадебного ряженья, см.: Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней. Материалы полевой и архивной коллекции Л. М. Ивлевой / Сост., подгот. текстов и справ. аппарат В. Д. Кен. СПб., 2004. С. 94 (№ 8, Рязан.); с. 96–97 (№ 26, Рязан.); с. 104 (№ 76, Рязан.); с. 141 (№ 45, Витеб.) и т. д. В перечне материалов Синодального суда за 1729 г. по статье «Колдовство» упомянуто дело священника, обвиненного в числе прочего в хранении «еретических писем, включающих молитву Бабе-Яге и приворотный заговор»: *Райан В. Ф.* Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России / Пер. с англ. М., 2006. С. 609.

⁴ *Чистов К. В. Баба-Яга*. С. 55.

⁵ Яга в целом – персонаж отрицательный, что подтверждает превалирование сюжетов и эпизодов с Ягой-антагонистом героя/героини; и, как положено традиционному сказочному персонажу, «знака» своего (своей сути) менять не может. Соответственно, указывает К. В. Чистов, даже когда Яга трактуется как помощница, она герою враждебна и является помощником «вынужденным». Под сомнение им ставится также трактовка Яги как медиатора, посредника между миром человеческим и «иным», поскольку таковой «понимается очень расширительно, как мир сверхъестественных существ, мир мертвых, мир небесный и т. д. Однако в сказках о Бабе-Яге об этих мирах ничего не говорится» (*Чистов К. В. Баба-Яга*. С. 55–56).

таковая представлена следующим образом: «Баба-Яга – женское антропоморфное существо, которое одновременно является и существом сверхъестественным. Она имеет весьма выразительный облик <«отвратительная, уродливая, безобразная... старуха», костяная нога>, атрибуты <избушка на курьих ножках, ступа, пест> и качества <частые обособленность и одиночество, злобность, коварство, людоедство>, совершает определенные однотипные поступки <в избушке обычно лежит, передвигается на ступе, героя расспрашивает и помогает ему советом, дает путеводный клубок, коня и др.>»⁶.

Приведенные характеристики соответствуют реализации образа в эпизодах, связанных с предварительным испытанием героя; все прочие эпизоды К. В. Чистов определяет как факультативные, а функционирование в них Яги – как неспецифическое, размывающее типичные черты, и, следовательно, норме не соответствующее. Яга-воительница рассматривается как вполне очевидный пример такого функционирования. Однако, по В. Я. Проппу, воительница – один из трех основных типов Бабы-Яги, т. е. является неотъемлемой частью образа, хотя, как принято считать, и уступает типам помощницы и похитительницы-людоедки⁷, поскольку их характеристики составили базу традиционного восприятия Яги.

1.1. Примечательно, что в едва ли не первом отечественном словаре славянских мифов А. С. Кайсарова (1807 г.)⁸ Ягу как таковую представляет именно тип воительницы, причем безальтернативно: «Многие писатели утверждают, что Яга Баба славянская Беллона. Римская Беллона, как известно, была изображаема воинственным божеством, управлявшим колесницею и конями Марса... <...> Наша Беллона... играет ту же роль, только совсем в другом costume. Древнейшие русские повести описывают нам ее гнусною, сухощавою старухою, высокого росту, с костяными ногами и пр. <...> Экипаж ее совершенно соответствовал красоте, которая в нем ездил: это была ступа, которую богиня погоняла пестом железным, находившимся у ней в руках. В тех же сказках замечательны еще следующие стишки: Баба Яга, / Костяная нога, / В ступе едет, / Пестом погоняет, / След помелом замечает»⁹. Определение

⁶ Раскрытие цитаты (курсив в угловых скобках) сделано мною в соответствии с материалом статьи К. В. Чистова. – А. Н.

⁷ О трех формах (= типах) Яги, см.: *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 52–53. Доминирования какого-то одного типа у В. Я. Проппа нет, сосредоточенность на помощнице связана с разработкой концепции инициации на сказочном материале. Отмечая сложности совмещения специфических черт каждого из типов с двумя другими («...иногда не соответствуют друг другу, ...не сливаются в единый образ»), Пропп указал также наличие общих черт, что позволяет воспринимать типы как разные формы единой Яги (*Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. С. 53). Н. В. Новиков дает тип воительницы первым из шести определяемых им типов Яги-антагонистки (*Новиков Н. В.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974. С. 159–162).

⁸ Первое издание «Славянской и российской мифологии» А. Кайсарова вышло в Гёттингене в 1804 г. на немецком яз., на русском – в 1807 и 1810 гг. в Москве, см.: Мифы древних славян / Сост. А. И. Баженова и В. И. Вардугин. Саратов, 1993. С. 20, 69.

⁹ *Кайсаров А.* Славянская и российская мифология // Мифы древних славян. С. 68.

единственное в своем роде¹⁰, но благодаря положенному в основу сравнения Яги с Беллоной описанию «экипажа» и подкрепляющим заявленным модус «стишкам» из сказок здесь оказались обозначены ведущие характеристики рассматриваемого типа – активность, агрессия и сила.

На двух лубочных картинках из трех, известных по изданию Д. А. Ровинского, Яга также предстает воительницей – «...[она] едет с коркодиломъ дратися» (1760-х гг.)¹¹. Изображение ее «экипажа» на обеих картинках кайсаровскому не соответствует – ступы нет, Яга едет верхом на свинье, в традиции «глумных» лубочных изображений XVII – нач. XVIII в.¹² Снижением перечеркивается образ богини, но не воительницы: правой рукой едущая драться Яга натягивает узду, во вскинутой левой зажат пест – жест, схожий с замахом для удара, так что пест здесь не погнало, а оружие, тем более что иного и нет (едва ли можно принять за таковое привешенные к поясу гребень и топорик (№ 37)).

Отметим, что А. С. Кайсаров в принципе не упоминает противников Яги (если определять ее как богиню войны, объектом может быть все, что угодно), а лубок дает «коркодила» – Водяного? Змея?.. В любом случае очевидно несоответствие Яги статусу антагониста героя богатырского типа, и есть причина задуматься о характере и пределах переработки сказки для лубочных картинок¹³ – если Яга-воительница вошла в сюжет лубка, напрашивается вывод если не о распространности, то о востребованности этого типа в народной сказке XVII–XVIII вв.

¹⁰ Судя по всему, в основу кайсаровской статьи легло предположение М. И. Попова, первым упомянувшего Беллону в связи с Ягой: «Ягая Баба. Сие страшилище описывает суеврие страшною, сухощавою и огромною бабою, на подобие остова, с костяными ногами, держащую в руке железную палицу, которою она действует понуждая катиться железную свою махину, в коей она разбежжает. По таковым приметам можно думать, что она у Славян имела должность Беллоны, или какой ужасной Адской богини» (*Попов М.* Описание древнего славянского баснословия. СПб., 1768. С. 47). А. Кайсаров явно пользовался расширенной версией «баснословия» (Досуги, или Собрание сочинений и переводов Михайла Попова. Ч. 1–2. СПб., 1772), поскольку именно там были впервые приведены «стишки», включенные им в свою статью. Представление о Яге как богине ада оказалось ближе М. Чулкову: «Ягая баба, под сим именем почитали славяне адскую богиню, изображая ее страшилищем, сидящим в железной ступе, и имеющую в руках железный пест; ей приносили кровавую жертву, думая, что она питает ею двух своих внуков, коих ей присвоили, и услаждается при том и сама пролиянием крови» (*Чулков М.* Словарь русских суевений. СПб., 1782).

¹¹ Русские народные картинки. Собрал и описал Д. А. Ровинский. СПб., 1900 (1-е изд-е: 1881 г.); обе картинки – № 37 (собр. Я. Штелина, оттиск 1760-х гг.) и № 38 (собр. А. Олсуфьева, отт. 1770-х гг.) – на один сюжет, но имеют существенные различия и в изображении и в подписях, см. об этом: *Соколов Б. М.* «Баба Яга деревяна нога едет с каркарладилом дратится»: Слово в лубке как символ «письменной культуры» // Живая старина. 1995. № 3. С. 52–53; *Коренева К. Е.* Русская лубочная сказка. Н. Новгород, 1999. С. 181.

¹² Примеры: «Фарнос красной нос... на виноходной свинье поволокся...» (№ 232); «Савоська и Парамошка [верхом на козле]» (№ 299) и др.: Русские народные картинки. Т. 2. Стлб. 423, 425–426. Картинки с Ягой помещены на «сатирических листах» (стлб. 273–274) 7-го раздела, обозначенного как «Легкое чтение» (т. 1); тексты подписей согласуются с характером изображений.

¹³ Есть мнение, что лубок вовсе не иллюстрация, а источник эпизода с Ягой-воительницей в авторской версии сказки с героями богатырского типа – в сказке из сборника П. Тимофеева (1786 г.) король-змея Еракский едет «биться с Бабой Ягой на поединок», см.: *Коренева К. Е.* Русская лубочная сказка. С. 53, 181.

1.2. Традиционно с Ягой-воительницей связывают один сюжет – у В. Я. Проппа читаем: «...сказка знает еще ягу-воительницу. Она прилетает к героям в избушку, вырезает у них из спины ремень и пр.»¹⁴. Действия четко указывают на сюжет 301 А, В 'Три подземных царства', на его первый конфликтный эпизод, однако анализируемые тексты определение типа на этом основании не подтверждают. В полном 301-м представляющих интерес конфликтных эпизодов два: первый – конфликт антагониста и героя со товарищи в лесной избушке; второй – конфликт героя с антагонистом в подземии. Конфликты разные, их взаимосвязь по антагонисту видится максимально слаженной, когда таковым является вовсе не Яга, а старик Сам с ноготь¹⁵.

Текстовый материал показывает: Сам с ноготь – наиболее частый единый для обоих конфликтных эпизодов 301-го фигурант, а не Яга, чье функционирование в обоих эпизодах, особенно одной и той же Яги, – большая редкость (4 текста¹⁶). С некоторой оговоркой к этим четырем можно также отнести сказку «Иван-царевич и Белый Полянин»¹⁷ с единым на весь сюжет антагонистом – Ягой, причем однозначно воительницей, так как она и сама сражается, и выводит на поле брани несметное войско.

Здесь те же два конфликтных эпизода, но конфликт в избушке изменен: герой находит себе побратима, который давно воюет с Ягой, и они вдвоем – «Коли дружбу водить, так в беде помогать! Поедем воевать вместе...» – выступают против Яги и ее ратей и побеждают¹⁸. Конфликт в подземьи герой разрешает

¹⁴ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 52; и Н. В. Новиков рассматривает 301 А, В как основной по Яге-воительнице: Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. С. 158–159.

¹⁵ Старик Сам с ноготь агрессивен, наделен физической и магической силой, демонстрирует общие с Ягой функциональные характеристики в конфликтах 301-го, что упрощает замещение (персонаж, похоже, заимствованный (через укр.?). – А. Н.). Для Яги вырезание ремней из спин побежденных характерным не является – действие фиксируется в одном-единственном тексте (Афанасьев: 141, неизв.); Сам с ноготь режет ремни намного чаще, и не только в 301-м (напр., см.: Добровольский: 11, Смолен.; СУС 1920 С 'Награда за небылицу'). Интересный момент, касающийся охотничьих и пищевых предпочтений: нарезка «ремней» во всю длину спины туши указывается как распространенный на Украине (но неизвестный русским) способ заготовки кабаньего сала, см.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 146.

¹⁶ Все четыре текста (*Старая погудка*: 10, неизв.; *Афанасьев*: 141 и 142, неизв.; *Добровольский*: 6, Смолен.) относятся к периоду – конец XVIII – конец XIX в. и атрибутированы только один.

¹⁷ *Афанасьев*: 161, неизв.; аналог – «Тарх Тархович» (*Записки-1*, кн. 2: 13, Енисей.); сказка редкая, своего № в СУС не имеет, обозначается условно как 301 А, В. Очевидна ее связь со «Сказанием о Еруслане Лазаревиче» (XVII в.): Русская бытовая повесть XV–XVII вв. / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 256–278. Сказка «Иван Сученко и Белый Полянин» из афанасьевского сборника (№ 139, укр.) соответствует традиционному 301 А, В; Белый Полянин в ней – один из названных братьев героя (напросившийся в «самые младшие»), тот, кто предает его первым. Яги здесь нет, противниками героя являются: в первом конфликтном эпизоде – старик («...едет старый дед в ступе, толкачом подпирается»), который толчет богатырей в ступе и режет из их спин ремни (!); а во втором – три змея-похитителя царевен.

¹⁸ В аналогичном эпизоде «Сказания о Еруслане» новоявленный побратим, богатырь Иван, устраивает для Еруслана «показательное выступление» – Еруслан наблюдает, как тот в одиночку побивает войско царя-змея Феодула, см.: Сказание о Еруслане Лазаревиче // Русская бытовая повесть. С. 262–263.

традиционно самостоятельно, но хоть Яга та же, и ее статус воительницы сомнению не подлежит, поединка может и не быть – герой ее убивает, причем не без помощи (см.: *Афанасьев*: 141 (вар.), неизв.).

Здесь должно также отметить характерный мотив «копления силы» для Яги работниками, день и ночь пополняющими ее чудесное войско: «...[герой] видит, мужики молотят. “Что вы делаете?” – “Да бабе-Яге силу копим” <...> ребяташки шариком играют: “Что вы делаете?” – “Да бабе-Яге силу копим” <...> В избушке... девицы в двой крестны¹⁹ ткут. “Что вы делаете?” – “Да бабе-Яге силу копим”. – “У нас, – говорит Иван царевич, – на Руси не так силу копят” [срубает всем головы]» (*Записки-1*, кн. 2: 13, Енисей.); «...[у бабы-яги в подземном мире за решеткой портные сидят:] “сидим да войско шьем для бабы-яги, золотой ноги; <...> что кольнешь иглоу, то и казак с пикою, на лошадь садится, в строй становится и идет войной на Белого Полянина”; [и сапожники сидят:] “сидим да войско готовим для бабы-яги, золотой ноги: <...> что шилом кольнем, то и солдат с ружьем, на коня садится, в строй становится и идет войной на Белого Полянина”» (*Афанасьев*: 161, неизв.; аналоги – *Балашов*: 40, Мурман.; *Добровольский*: 6, Смолен.; *Садовников*: 4, Самар.). Мотив нередкий для второго эпизода 301-го и фиксируется не только, когда в нем фигурирует Яга, но и в вариантах с Сам с ноготь.

1.2.1. Текстов с участием Яги в первом конфликтном эпизоде всего шесть²⁰ – упомянутые четыре с Ягой в обоих эпизодах и два, где она есть только в первом²¹. Поэтому справедливо считать ее здесь замещением более частого и органичного Сам с ноготь; и она здесь не воительница, разве что условно, так как поединков нет. Логично заключить на этом основании, что Яга в 301-м исконным персонажем не является, и усомниться в исконности для нее функции воительницы²², однако торопиться не стоит.

В двух указанных текстах мотивация поведения Яги скрыта или нарушена (но очевидна в вариантах с Сам с ноготь²³), из-за чего она предстает беспричинным

¹⁹ Здесь: *кросны* (по словнику сборника).

²⁰ Один текст начала XX в., остальные – XVIII–XIX вв.; по месту фиксации – сев.-рус., зап.-рус. и неизв.

²¹ *Ончуков-1*: 34, Архангел.; *Балашов*: 55, Мурман. В ончуковском варианте эпизод завершается смертью Яги и тем заканчивает сказку; в балашовском второй конфликт обозначен: герой спускается за Ягой в подземье, но больше она не упоминается, а повествование становится схематичным.

²² См.: *Добровольская В. Е.* Баба-Яга: к вопросу об истинной природе и возможной эволюции персонажа // *Образный мир традиционной культуры: Сборник статей.* М., 2010. С. 29.

²³ Функционирование Сам с ноготь в первом эпизоде снимает заметные в вариантах с Ягой логические неувязки, проясняя основу конфликта: он – хозяин избушки и скота на подворье, который незваные гости принимаются по надобности забивать; при появлении хозяина и предъявлении претензий, они, будучи гостями, держат себя как хозяева, причем правил гостеприимства не соблюдающие (ситуативная “зеркалка”): «“Зачем вы моих быков ловите и варите?” – “А тебе жалко быков?” <...> Старик говорит: “Неси на стол, я съем, мои потому что быки”» (*Никифоров*: 109, Архангел.; аналоги – *Ончуков-2*: 7, Тавдин.; *Соколовы*: 105, Вологод.; *Зиновьев*: 36, Забайкал.; и др.). В вариантах с Ягой акцентируется традиционная для нее функция кормления (ключевой элемент гостеприимства), хотя хозяйкой Яга здесь напрямую не указывается: «“Неси меня в избу!” Он принес.

агрессором («Мегера, – пишет К. В. Чистов, – нападающая на богатырей без всякой причины...»²⁴). В действительности же агрессия Яги – реакция на чужаков, хозяйничающих на ее территории и в ее жилище, ср.: «“Ах, вы, бродяги бездомные! <...> Доселева тут птица не пролетывала, зверь не прорыскивал, а вы забрались, все кушанья приели, все горшки перебили. Хорошо же, вот я с вами разделаюсь!”...» (*Афанасьев*: 199, неизв.; СУС 519).

От богатыря, оставленного в избушке домовничать, в отношении незваной гостьи требуется проявление вежества: «Выходи... встречай меня» (вар. – «гостей принимай!»), «перенеси через порог», «(в)здынь», «усади на лавку» и т. д. Не без страха («испугался... но сделал...») и потому не без труда («едва знял», «здынул кое-как») побратимы героя требуемое выполняют, но не сам герой, который нарочито выказывает себя невежей (на крики Яги «Иван и ухом не ведет, на печи в углу поет», грубит в ответ), – демонстрация отсутствия страха перед Ягой, свидетельство того, что у нее нет над ним власти.

Только в одном из рассматриваемых вариантов Яга меряется силой с каждым из богатырей: «Давай... боротца со мной!» (*Ончуков-1*: 34, Архангел.)²⁵; причем описания борьбы нет, все сразу сводится к «оборола», т. е. важен именно результат. В прочих вариантах акцентируется унижение, которому она богатырей подвергает (о чем каждый «оборотый» братьям рассказать стыдится, и возникает между ними обман): «Ина яго схватила, пад лаўку падлажила, камним наварила, села, блины и кашу паела, и сама палятела. Вылиз Салыня из-пад лаўки, паклаў дров знова, затапіў; ...приходюць яны ужу с ахоты: “Э, брат, ня скоро ж ты паварачиваісьця!” – “Ах, братцы, ета мне паниздаровилась” (а етыва іон и ня хочить сказать, што сделала с им Баба-Ига: стыдна було)» (*Добровольский*: 6, Смолен.); «...[Яга] зачала его бить и била до полусмерти, по сем приготовленную кашу всю поела, а сама уехала. Как пришли товарищи Дубынины... он им, не объявляя, что его прибила Баба-Яга, сказал, что занемог, а потому и ничего не стряпал» (*Старая погудка*: 10, неизв.). Коварство и обман, включая провоцирование к таковому, – постоянная характеристика Яги любого типа, однако здесь ее причастность к созданию ситуации обмана завязана на роль испытующего:

Она [Яга] в печку дунула, в печке всяка очудилось питья-еденья, утешения. Его посадила, напоила, накормила, ешь, сколько хошь. Что осталось обратно в печку сносила, дунула-плюнула – опять нигде ничего не стало. “Вынеси, Лесовик, меня обратно в ступу!” Он вынес ей. Она... села в ступу... <...> Поехала» (*Балашов*: 35, Мурман.; держащийся наглецом герой к столу не приглашается – Яга “накрывает” стол лишь на себя и ест сама, за что и слышит в свой адрес оскорбительное «Ах ты, невёжа, немыта рожка...»).

²⁴ Чистов К. В. Баба-Яга. С. 56; продолжение цитаты точно по В. Я. Проппу о типе воительницы.

²⁵ Вариант усеченный – есть только первый конфликтный эпизод, заканчивающийся уничтожением Яги («...бросил ее об пол, схватил меч, ударил мечом и всю разнес ей – жизни не стало ейной»); Яга же здесь с героями борется, унижает-избивает, но не убивает. Именно уничтожением противника, оказавшегося не по силам богатырям-побратимам, герой заслуживает их признание – «будь ты нам старшой брат»; однако при возникновении братства он определен ими в младшие – «быть ты над нами меньшей брат», эта оговорка-оксюморон («меньшой» «над нами») с самого начала обозначает его как старшего и как истинного героя.

сокрытие каждым «побитым» от братьев посещения Яги и принятого от нее унижения-поражения ведет к продолжению испытания остальных, причем на едином, равном для всех услови. Иными словами, первый конфликт вполне может определяться как предварительное испытание на выявление истинного героя²⁶, и анализируемый тип Яги норму здесь не нарушает, напротив, выдает функциональное соответствие.

1.2.2. В конфликте второго эпизода Яга фигурирует намного чаще, и она здесь настоящая воительница, поскольку поединки с ней – элемент обязательный. Внешне их инициатором является герой, который отправляется в мир Яги для разрешения конфликта, начатого еще в мире людей (Яга та же), или это может быть конфликт новый, спровоцированный намеренным вторжением героя на территорию Яги и нарушением установленного ею запрета. В первом случае поединок обычно один, во втором возможно разовое и повторяющееся прохождение конфликтной ситуации:

• **поединок героя с Ягой-богатыркой:** «...[герой “нарошно” нарушает запрет, пригоняя быков на поляну Яги, и она тут же является и предупреждает, “чтобы более так не делал”, однако герой пригоняет опять]. Та прилетела на ступы. “Если был бы Палфил Попович, я бы с ним поборолась, что он сказывают борец, богатырь”. А он ей в ответ: “Я самый и есь”. – “А если ты самый ... Так вот давай-ко-ся поборемся с тобой”. Тот не струсил. Они слетелися» (*Никифоров*: 109, Архангел.);

• **поединок с перерывом на восполнение сил:** «[Ивашка – медвежье ушко ищет Ягу в подземии; ее дочери рассказывают ему про кувшины – синий с сильной водой и белый с бессильной, и объясняют, “как спасти свою жизнь”.] Приехав же, Баба-Яга закричала: “Зачем ты, Ивашка – медвежье ушко, пришел сюда? Ты и здесь вздумал меня беспокоить?” Бросилась вдруг на него, и начали они драться; долгое время дрались оба, и напоследок упала на землю Баба-Яга, полежав несколько, вскочила и побежала в погреб, куда за ней следом бросился Ивашка, и она, не рассматривая, ухватила белый кувшин, а Ивашка синий, и пили. После сего вышли из погреба и начали опять драться: Ивашка ее одолел и, схватя за волосы, бил Бабу-Ягу ее же пестом...» (*Старая погудка*: 10, неизв.; аналог – *Афанасьев*: 142 (вкл. вариант), неизв.); «[Иван Кобылин сын находит Бабу-Ягу на Сиянской горе спящей, “абапыл яе две бочки вина”; следуя совету, он пьет из стоящей справа, в которой вино прибавляет сил, а затем меняет бочки местами.] Прашнулась Баба-Яга: “Ага, пуцаўся у мае руки!” Выпила она вина с правой руки и у яе силы удвая паменшила. Стали яны битца: Кабылин сын яе сичас жа убіў» (*Добровольский*: 6, Смолен.);

• **одновременный бой героя с двумя Ягами – с дочерью Яги и с самой Ягой:** «...стоит огромный дом; заходит [Иван-царевич] и видит, сидит эта девица,

²⁶ Испытанием выявляется старшинство статусное в группе воинов (кто главный, кого всем слушаться) или наследное в семейно-родовых отношениях (кому из братьев быть «большаком», кому всем владеть).

бабы-Яги дочь. “Да, Иван-царевич ... мать на тебя сильно сердита. Теперь ты отсюда не уйдешь!” – “Пустое, что я не уйду”. Сбегала, повестила мать; берутся двое за него. Затем они добились его до бесконечности, что он становится плох с ними бороться; вдруг он выпил, у него бывшей, здоровой сильной воды и силы у него прибыло вдвое. Забил он потом и мать, и дочь» (*Записки-1*, кн. 2: 13, Енисей.);

• **поочередные поединки героя – по одному в день с одной из трех Ягих-сестер:** «[Чтобы выбраться из подземья, герой за мясо для Жар-птицы пасет у слепого пастуха коров три дня.] Вдруг – стук-гром, едет Егабова на ступе, пестом ступу погоняет... <...> Как она бросится на молодого человека, хочет глаза вырвать. Схватил он дубину, схватил Егабову за волосы и давай ее дубиной-то лупцовать. Лупцовал, лупцовал да голову оторвал. [Голову герой приносит пастуху, говорит, что “клуб бересты... лапти плесть”. Так же побеждает и двух других Ягих-сестер.] <...> “Три Егабовы было... три головы я оторвал”» (*Никифоров: 22*, Архангел.; аналог – *Галкин: с. 189–193*, Урал.);

• **три поочередных поединка героя с двумя дочерьми Яги и с самой Ягой:** «[На героя, пригнавшего быков прямо к порогу их дома, Яга высылает младшую дочку:] “Иди, затрехни его, мошенника, что он к нам скота пригнал”. Выехала младшая дочь на лопаты: “Я те, лопатишкой-то по мудишкам-то! Попался нам в когти”. Поехала, он захватил ей, голову оторвал как пуговицу и пошел преспокойно домой... [так же он расправляется со старшей дочерью (та выезжает на помеле).] <...> Выехала баба-яга сама на ухвате... Иван заскочил на бабу-ягу верхом, схватил за косы и поехал... [сажает ее на цепь (“пудов 30 потянет”) и до смерти засекает железными прутьями]» (*Ончуков-1: 241*, Архангел.);

• **четыре поединка – с каждой из трех Ягишен-дочерей и с матерью Ягой:** «[Герой пригоняет волов “на ложбину” Яги.] И выбежала к нему яга-баба: “Ох, ... такой! Глаза-то у тебя были выкопаны, старуха-то была убита, а ты опять на нашу ложбину коров загонил!” Он схватился с ней, боролся, боролся, боролся, боролся и голову ей отвернул. Домой пришел, голову на хоромишко кинул, только хоромишка потряслись... [аналогично расправляется с двумя оставшимися сестрами-Ягами и с их матерью]» (*Балашов: 43*, Мурман.);

• **убийство героем сонной (спящей или не отошедшей ото сна) Яги:** «[герой ее находит, но дочь Яги ему сообщает, что:] “...она теперь спит непробудным сном, залегла отдыхать на двенадцать суток”... <...> ...[Иван-царевич] застал ее сонную, ударил мечом и отрубил ей голову. Голова покатила и промолвила: “Бей еще, Иван-царевич!” – “Богатырский удар и один хорош!” – отвечал Иван...» (*Афанасьев: 161*, неизв.); «...[дочери Яги учат героя:] “Она теперь спит, а в головах у ней меч-кладенец лежит; ты меча не трогай, а коли дотронешься – она в ту же минуту проснется да на тебя накинется. А вот лучше возьми два золотых яблочка на серебряном блюдечке, разбуди ягу-бабу потихонечку, поднеси ей яблочка и проси отведать ласково; она поднимет голову, разинет пасть и как только станет есть... – ты выхвати меч-кладенец и сруби ей голову

за один раз, а в другой раз не руби; если ударишь в другой раз – она тотчас оживет и предаст тебя злой смерти...” [герой следует совету и убивает Ягу]» (*Афанасьев*: 141 (вар.), неизв.)²⁷.

Для конфликта, определяемого как новый, характерны устойчивые элементы: 1 – попадание героя к слепому старику и замещение его в опасном пастушеском деле (СУС 321); старик при этом может подаваться как богатырь, которому герой по силе уступает²⁸, но который был побежден Ягой – она лишила его зрения («выкопала глаза») и установила запрет гонять к ней скотину (очевиден ее статус хозяйки поля, луга, скота и др.); 2 – намеренное нарушение героем запрета и вторжение на территорию Яги; 3 – возвращение старику зрения (прежде чем покончить с Ягой, герой принуждает ее «вернуть старику глаза»), в благодарности тот помогает герою с возвращением из подземья «на Русь».

1.2.3. В обоих конфликтных эпизодах 301-го в противостоянии героя и Яги происходит обоюдная проверка²⁹ на силу физическую и силу духа; но в целом ряде случаев привлекает внимание закономерность, существенная для специфики исследуемого типа – в поединках с Ягой герой нарушает правила честного боя. Отчасти объяснение этому находится в героическом эпосе: в нескольких вариантах былины «Добрыня и Алеша»³⁰ есть эпизод поединка Добрыни с Ягой, в котором она подается как грозный наезжий противник, поляница и богатырь (м. р. – так!). Бой настолько долгий (девять лет бьются) и трудный, что герой

²⁷ Два момента, имеющие отношение к исследуемому типу Яги и связанные с богатырством: первый – для богатыря убийство сонного противника достойным действием не является. В этой же сказке дана развернутая сцена, в которой Иван-царевич находит Белого Полянина в шатре спящим, ложится рядом и засыпает; а тот, проснувшись, в свою очередь удерживается от убийства спящего: «Нет... он наехал на меня на сонного, а меча не хотел кровавить; не честь, не хвала и мне... загубить его! Сонный что мертвый! Лучше разбужу его...»; аналогичный эпизод имеется в «Сказании о Еруслане Лазаревиче», см.: Русская бытовая повесть. С. 260–261. Мотив встречается и в былинах, например: ответ Кощея на требование Лебеди Белой убить опоенного сонным зельем Потока: «Мне Михайло какой недруг? Наехал он меня в чистом поле, в беле шатре сонного, – се не предал мне смерти скорья! И как хочешь сама с ним...» (Сказание о трех богатырях киевских о славных витезах – о Илье Муромце, и о Михаиле Потоке Ивановиче, и о Олеше Поповиче // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960. № 41. С. 188–193). Другой момент – характерный отказ героя ударить повторно, связанный с запретом бить дважды, когда имеешь дело с силой «нездешней» или «поганой», так как повторный удар нейтрализует или аннулирует первый. Аналогичный эпизод опять же есть в «Сказании о Еруслане...» (с. 272–273). Эпосом этот запрет, судя по всему, был почерпнут из верований бытовой мифологии (*Толстой Н. И.* Мифологическое в славянской народной поэзии: 4. Отчего перевелись богатыри на Святой Руси? // Живая старина. 1996. № 4. С. 36–37).

²⁸ Напр.: *Записки-1*, кн. 2: 13, Енисей. Ситуацию опять же можно трактовать как прохождение испытания на истинного героя: старый богатырь таковое не прошел («Куда тебе... я посильнее тебя и то...»), герой же, побеждая Ягу, оказывается «сильнее сильного», и тем самым утверждает свой статус.

²⁹ Стоит учитывать, что поединок предполагает стартовое равенство сторон («меряться силами»), в отличие от ситуации испытания, где равенства нет, есть испытуемый и испытующий.

³⁰ Имеются в виду № 290 (зап. от А. Т. Гусева) и № 292 (зап. от Х. А. Гусева): Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1971 года. Т. 1–3. Изд. 4-е. М.; Л., 1950.

просит помощи у другого богатыря (здесь обычно родича), Ильи Муромца, и получает совет – чтобы одолеть Ягу, биться с ней надо как с бабой:

- 205 Говорил Илья да таково слово:
 – Да ай ты Добрынюшка Микитьевич!
 Не честь не слава молодецкая
 Двум богатырям биться с одной бабою.
 А бей-ко ты бабу по бабьему,
210 По титькам бей да и под гузно.
 Да спомнил он старые ухваточки,
 А стал бить по титькам да и под гузно,
 Убил он курву Ягу бабу...
 (*Гильфердинг: 228, Кенозеро*)³¹

Эпизод второстепенный, поединок с необычным противником здесь не главное, его задача – обосновать затянувшееся отсутствие Добрыни; но при этом получили отражение гендерное противостояние и противостояние сил разных миров. Хтонический персонаж как воплощение силы чужого мира для эпоса традиционен, поэтому введение сказочной Яги противником былинного змееборца логике не противоречит, но создает дополнительный ракурс, так как идет совмещение агрессора из чужого мира и бабы (именно зрелой женщины, а не девицы), реализующей себя в мужской сфере. Определение поляницы Яги богатырем подчеркивает ее силу, однако сила эта вдвойне иная (в смысле половой принадлежности и принадлежности миру иному), т. е. как противник Яга канону богатырского поединка не соответствует, требуется другой подход к ведению боя.

1.2.4. Помимо сил физической и духовной, может проверяться и сила колдовская, а также реакция на нее (главное – «не убояться»): «“Так вот давай-кося поборемся с тобой”. Тот не струсил. Они слетелися. <...> ...сперва ударил он ей, ударил по шее своей саблей. Она и говорит: “Эх, как русские комарики покусывают!” Потом она его ударила. Он до колена в землю просел. Потом он ей опять ударил в голову. “Эх, как, говорит, русские оводы покусывают!” Потом она его ударила. Он до пояса в землю просел. Третий раз замахнулась было, но он говорит: “У нас было условие до трех раз бить”. Он думал, подумал, куда же ударить, не знаю, везде бил все нет никакой цели. Отказаться – нельзя, сделано условие до трех раз. А все равно. Взял да по ступы и ударил ей. И она овернулась женщиной. Он схватил ее и запихал в мешок и давай топтать...» (*Никифоров: 109, Архангел.*). Примечательно, что ступа здесь не только средство передвижения Яги, но и магическое «средоточие» ее силы. Из-за известных коннотаций ступы с женским началом³² возникает переключка с советом биться с Ягой

³¹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом... Т. 2. С. 217–226 (зап. от П. Воинова).

³² Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 188–190.

как с бабой: случайным (в общем-то, с отчаяния), но оказавшимся правильным ударом, герой лишает Ягу-воительницу сверхсилы, превратив в обычную женщину, и побеждает. Кроме того, в приведенном эпизоде можно видеть по ходу схватки перемену в оценке героем своей силы – от уверенности к потере таковой. Это соотносится с еще одним былинным эпизодом, в котором одолевший Змея Добрыня наезжает на след богатырки, чья реакция на удары его уstraшает, вызывая сомнения в собственной богатырской силе:

- Он наехал поляницу женщину великую,
Он ударил своей палицей булатнею
Да тую паляницу в буйну голову, –
200 Паляница назад не оглянется,
Добрыня на коне да приужахнется.
Воротился Добрыня да ко сыру дубу,
Толщину дуб шести сажен.
Он ударил своей палицей булатнею во сырой дуб,
205 И расшиб-то дуб да весь, по ластиньям,
Сам он говорит таково слово:
– Как сила у богатыря по старому,
А смелость у богатыря не по старому.
Он догнал-то поляницу женщину великую,
210 Он ударил своей палицей булатною
Тую поляницу в буйну голову.
<...>
Паляница та назад да приоглянется,
225 Сама говорит таково слово:
– Я думала комарики покусывают:
Ажно русские могучи богатыри пощалкивают!
(Гильфердинг: 157, Онеж.³³)

Примечательно, что в более или менее явной форме рефлексия богатыря по поводу собственных сил надо считать постоянной в эпизоде неравного боя с последним многоглавым Змеем (300 А 'Бой на Калиновом мосту'), когда герой идет биться, понимая, что на сей раз сил его неостанет³⁴ (отсюда в разной

³³ Былина «Добрыня и Змей» (зап. от И. А. Касьянова): Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом... Т. 2. С. 548–549; в вариантах этой былины, в эпизоде, когда Добрыня в воде и нагой выслушивает угрозы-насмешки налетевшей 12-главой Змеи (Змеища Горынища), ничего подобного не происходит: «И у того ли у молодого Добрынюшки / Ёго сердце богатырско не ужаснулось...» (Там же. С. 57, № 79 «Добрыня и Змей», зап. от Т. Г. Рябинина (Киж)).

³⁴ Еще Б. Н. Путилов обратил внимание на расхождение в самооценке Добрыни перед схватками со Змеем: перед первой он уверен в своих силах и не слушает материнских предостережений, а отправляясь на вторую, знает, что сил ему неостанет, и горько сетует матери, см.: Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М.; Л., 1971. С. 38, 40–45.

степени выраженное отчаяние и стремление заручиться помощью на случай крайней нужды), например: «<...> Сам домой пришел и стал горько плакать: придет самый большой [Змей], а он не осилит: наплакал слез чашу и поставил ее на стол. И созвал братьев своих и заставил их следить, когда закипит: “Смотрите, не усните, как закипит, мне несите, а то я помереть могу”. [Герой идет и сражается с “самым главным змеем”; и лишь когда он “по шейку влип” в землю, проснувшиеся братья притаскивают к мосту давно кипящую воду (слезы).] Он кричит: “Помогите, братья, дайте воды!” Взял, хлебнул и вылез – силы прибавилось³⁵. Последнюю голову [Змею] сшиб, голову – под камень, туловище – в воду, лошадь в лес пустил...» (*Сидельников, Крупянская*: 3, Волж.).

1.3. Сопоставление анализируемого типа Яги и эпического Змея-противника затрудняется их функционированием на разных уровнях различающихся художественных систем сказки и героического эпоса и их разноплановостью, а также целеполаганием в конфликте. Так например, в 300 А (и 300 А*), где немало позиций сближения Яги и Змея, Яга ассоциируется с матерью/тещей (или сестрой) Змеев-противников героя, желающей отомстить за гибель сыновей; соответственно, ее цель – не доказать противнику свое превосходство в силе, а его уничтожение. При фактическом отсутствии описаний облика Яги, она обычно антропоморфна³⁶ – воспринимается как женщина старшего поколения, старуха. Ее сверхъестественная природа обозначается косвенно – через родство со Змеями (Змеи-сыновья (дочери реже) – яблочки от яблоньки...), через змеиные характеристики, очевидные при сравнении с вариантами ее замещения Змеей, или же через прямое именование Змеей/Змеихой. Нельзя не признать, что коннотации Яги со Змеями в 300 А (300 А*) сильны, сильнее, чем где бы то ни было; но в изображении ее как антагониста героя-богатыря практически нет сближений со Змеем-противником, чей облик также условно антропоморфный и страдает той же неопределенностью (за исключением числа голов): «Видит Иван... змей-мужчина на коне едет... <...> А у Змея пять голов»³⁷.

³⁵ Необычно представлена здесь «работа» слез: а) это мужские слезы; б) героем наплакана полная чаша и оставлена братьям для определения момента крайней нужды в помощи – с возрастанием напряженности схватки слезы вскипают и кипят (более традиционный маркер – кровь, наполняющая оставляемый сосуд, например: «...ставит три кубка: наполнятся кровью – бегите на выручку» или «...как эта чашка полна крови набежит, то сам выбегай и коня выпускай»); в) слезы являются и знаком предельной исчерпанности сил, и средством их восстановления и преумножения, они – аналог сильной (= живой) воды (зап. 1935 г. от Е. Я. Кулдашевой 17 лет).

³⁶ Сверхъестественные сказочные персонажи, как указывала Е. С. Новик, как правило, антропоморфны, но при этом их внешний облик страдает неопределенностью, см.: *Новик Е. С.* Система персонажей русской волшебной сказки // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 214–246. О том же говорил и Б. Н. Путилов, но в отношении былинного персонажа (Соловья Разбойника), отмечая при этом сложность выделения слагаемых в гибридном образе (*Путилов Б. Н.* Русский и южнославянский героический эпос. С. 65). Давний, наиболее простой и потому распространенный способ обозначить чьи-либо сверхъестественные качества – это дополнить антропоморфный облик зоо-, орнито-, териоморфными чертами или наградить способностью свободно его изменять (оборотничество).

³⁷ *Сидельников, Крупянская*: 3, Волж.; ср.: «летит Змей о двенадцати головах и двенадцати хоботах, ногами топает, глазами хлопает, зубами скрещет...» (*Садовников*: 1, Самар.). О наделении

На сюжет 300 А нашелся всего один текст (серед. XIX в.), в котором Яга предстает воительницей, сочетающей черты богатырки и Змея-поединщика: «Яга-Ягинишна сказала ему: “Ну, валовка, поди на мост и дожидайся меня, посражаемся мы с тобой”. <...> [Едет Яга по мосту и “говорит сама с собой”, планируя превратить дочерей в яблоню, колодец и постель, и убить с их помощью героя и его братьев. Вол Волович ее речи слышит] вышел из-под моста и сказал Яге-Ягинишне: “Врешь, душа погана, я сам здесь добрый молодец”, и начал с ней биться, бился долго и устал, и сказал: “Дай мне отдохнуть хоть три часа”. – “Не дам тебе три минуты”, – сказала Яга-Ягинишна. – “Но хоть дай три минуты”. Она сказала: “Пожалуй, даю тебе три минуты отдыха”. Он пошел под мост, а Яга-Ягинишна легла на мосту и уснула. Вало-Валович вышел из-под моста и разрубил ее на мелкие части и затоптал в тину» (*Смирнов-1*: 150, Казан.).

Это «посражаемся мы с тобой» идентично вызову Змея-поединщика «[Выходи-ка сюда, Иванушка!] Памеряем с табою силы»³⁸ и сродни былинному «...поборотисе, ...попытитисе, друг друга изведати, своей силы богатырские», т. е. затевается поединок для выяснения соотношения сил. Однако его завершение едва ли можно считать честной победой – герой убивает отдыхающего, спящего противника, согласившегося на его, героя, просьбу о передышке (ср.: «не честь, не хвала... загубить его! Сонный что мертвый!...»)³⁹. Яга здесь герою не по силам, но победу он добывает столь неприглядным образом не потому, что бьется с бабой (и с ней надо как с бабой), мотивация иная: Яга – «душа погана», нечисть, то же что Змей, Чудище, Поганое Идолище и др.⁴⁰, воплощение зла, которое необходимо уничтожить, для чего все средства и способы хороши; и такая трактовка вполне согласуется с традиционными представлениями о Яге.

1.4. Показательным по подаче рассматриваемого типа Яги и оригинальным по интерпретации конфликта видится вставной фрагмент в «Сказке о царевиче Артобазе Хиразовиче – сильном могучем богатыре»⁴¹ (СУС –650 В*). Вставка

Змея-противника антропоморфными чертами и о совмещении их в его облике с архаичными чертами эпического чудовища писали и В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов, см.: *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. С. 216–217; *Путилов Б. Н.* Русский и южнославянский героический эпос. С. 64–66.

³⁸ *Афанасьев*: 135, Брян.

³⁹ О том, что убийство врага с помощью хитрости и обмана ни в коей мере богатыря не компрометирует и является к тому же вполне органичным и достаточно древним для эпоса мотивом, см.: *Путилов Б. Н.* Русский и южнославянский героический эпос. С. 68–69.

⁴⁰ В текстах на сюжет 300 А (300 А*) определение змееподобного противника как нечисти фиксируется не раз, напр.: «Море заволновалось, вылетат нечиста сила двенадцати голова» (*Зиновьев*: 35, Забайкал., 1978 г.; = БЯ); «акаянный дух едить... [спрашивает коня своего, что ржет и везти не хочет, а тот отвечает:] “...нираўняга нам іосьть” <...> “Нет нам неровни, – говорит коню окаянный. – Неровня нам только Ванька Шарамышка”» (*Добровольский*: 7, Смолен., 1891 г. (!); = БЯ) и т. д.; в одном из поздних текстов вместо Змеев фигурируют Черти 6-, 9-, 12-головые (*Бахтин, Ширяева*: 73, Ленинград., 1976 г.; = БЯ).

⁴¹ Сказка из сборника «Старая погудка на новый лад» (1794–1795 гг.). Время создания вставки определяется условно как позднее, но если она была в сказке при первой публикации сборника, то, получается, что это наиболее ранняя фиксация типа Яги-воительницы в сказочном тексте (не считая подписей к лубочным картинкам). В комментариях к изданию 2003 г. сказка характеризуется

двучастная. В первой части названный брат героя едет «в левую сторону, где живому не быть»: «Едет Иван – нянькин сын путем и дорогою несколько времени и около полудня, увидев прекрасный луг, на середине которого стоял част раки-тов куст, вздумал под тенью того куста прохладиться. Он пустил лошадь свою по лугу пастись на мягкой мураве, а сам прилег под куст. Спустя немного видит мимо себя бегущего оленя, он натягивает свой крепкий лук, накладывает калену стрелу и убивает оленя; снимает с него кожу, разводит огонь и жарит его. Вдруг слышит он необычайный шум, оглядывается на все четыре стороны и видит, что изволит к нему ехать Баба Яга в ступе: пестом погоняет, а помелом след замечает. Хоть не рад был Иван – нянькин сын такой гостье, но нечего делать. Баба Яга закричала: “Как ты смел в мое урочище захватить и убил любезного моего оленя?” – “Есть захотелось, так я его и убил”, – отвечает ей Иван – нянькин сын. Яге Бабе это слово показалось грубым, и она, ни слова более не говоря, ухватила его поперек и не жевавши целиком проглотила. Его коню тоже досталось. И Яга Баба, убрав их, опять назад поехала...»⁴²

Во второй части сам герой – Азонай-царевич, сын Еруслана, проведя несколько лет в странствиях, едет домой, в царство отца: «В один жаркий день, утомлен будучи от полуденного зноя, Азонай выехал на пространный зеленый луг... среди коего стояло тенистое дерево. Он слез с коня, пустил его щипать траву, а сам лег прохладиться под тенью того дерева, как вдруг едет Баба Яга в ступе, пестом погоняет, помелом след замечает и кричит Азонаю: “Дерзкий! Как ты отважился на моем лугу остановиться!” – “Цыц, старая ведьма, не ворчи, – сказал ей Азонай, – притаскаю тебя здесь”. – “О! Так постой же! – вскричала опять ведьма. – Я тебя прочу: разорву твои члены и кости все изгрызу!” – “Нет, погоди, дай тебе прежде зубы вышибить!” Тут схватил он копьё, а ведьма ухватила за пест. Азонай хотел ударить ее своим копьём, но оно переломилось от ее песта. Он взял свой меч-кладенец, отрубил ей прежде ее правую руку, которая с пестом сажень на двадцать отлетела, потом и голову. Но какое чудо! Вдруг лопнуло у ведьмы брюхо и выскочило из него двенадцать богатырей на конях. [Среди них и Иван – нянькин сын.] Они слезли со своих коней, пали пред Азонаем-царевичем и благодарили его за избавление их от сей ведьмы, которая их всех в разные времена пожрала...»⁴³

как основательная авторская переработка текста лубка по популярной сказке о Еруслане, которая, в свою очередь, была переработанным восточным сказанием. Результатом переработки, как считают исследователи, стали опрощение героической составляющей и усиление волшебного элемента (как раз через введение образа Бабы-Яги и фигуры названного брата героя чудесного происхождения). Н. В. Новиков указывает, что переделка заимствованных переводных богатырских повестей была под воздействием русской сказки настолько интенсивной, что в начале XVII в. эти самые повести «вполне приобрели форму волшебного-героической сказки»: *Новиков Н. В.* Русская сказка в ранних записях и публикациях // Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. В. Новикова. Л., 1971. С. 7.

⁴² Текст вставки приводится по: Старая погудка на новый лад. Русская сказка в изданиях конца XVIII века. СПб., 2003. № 1. С. 18–64 («Сказка о царевиче Артобазе...»; с. 28 – первая часть вставки).

⁴³ Там же (с. 58–59 – вторая часть вставки).

Вставка хороша тем, что в ней, по сути дела, представлен основной набор специфических характеристик Яги-воительницы, и, прежде всего, уже упомянутые повышенные активность и агрессия, а также впечатляющая сила Яги:

а) инициатива завязки конфликта принадлежит ей; оба богатыря – путники, оба попадают в «урочище» Яги, изнывая от зноя и уставшими, – им бы отдохнуть, а не конфликтовать: про Ивана – нянькиного сына прямо говорится, что он не рад Яге, да делать нечего; и Азонаю не хочется немедля сражаться, он даже пытается придержать Ягу: «Цыц, старая ведьма, не ворчи, притаскаю тебя здесь»⁴⁴;

б) она решительна и стремительна в действиях, что передает язык повествования: характерное «вдруг», обилие глаголов и их быстрая смена – «...едет... пестом погоняет, помелом след замечает и кричит», «слова больше не говоря, ухватила» и т. д., реплики Яги: «Как ты смел...», «Дерзкий! Как ты отважился», «О! Так постой же! <...> Я тебя проучу»;

в) она в момент с легкостью хватает героя-богатыря и проглатывает, а следом и его коня; копые второго героя ломается о ее пест – так быстро и мощно Яга парирует удар.

Сила и агрессия Ягу здесь явно переполняют; в сравнении с ней упоминавшиеся Яга, противница богатыря Палфила (*Никифоров*: 109, Архангел.), «поляница женщина великая», противница былинного Добрыни (*Гильфердинг*: 157, Онеж.), и Яга-поединщица, мать Змеев (*Смирнов-1*: 150, Казан.; СУС 300 А) – само спокойствие и невозмутимость. Однако беспричинным агрессором Ягу во вставке считать нельзя, она защищает все то, что полагает своим (а вовсе не границу между мирами, как это закрепилось в норме): пусть ненамеренно, но герои вторгаются на территорию Яги, и она тут как тут, и готова «проучить» «дерзкого», посягнувшего на принадлежащее ей, будь то земля («мое урочище», «мой прекрасный луг») или живой объект («любезный мой олень»). Все это позволяет соотнести части вставки с конфликтными эпизодами сюжета 301 А, В.

Так, первая часть вполне соотносима со знакомым мотивом из первого эпизода 301-го, когда чужак-невежа свободно распоряжается чужим добром – те же защита своей собственности и моментальная агрессивная реакция на грубость героя (в определенном смысле даже обозначена функция кормления – жаркое готовится из ее оленины): «Хоть не рад был Иван – нянькин сын такой гостье, но нечего делать. Баба Яга закричала: “Как ты смел в мое урочище захватить и убил любезного моего оленя?” – “Есть захотелось, так я его и убил”, – отвечает ей Иван – нянькин сын. Яге Бабе *это слово показалось грубым*». Грубость героя, если таковую здесь и усматривать, условна; агрессия самой Яги более очевидна, и ее усиливают «необычайный» шум, сопровождающий появление Яги (характерный для нее в принципе), и крик – по всей вставке речь Яги передается исключительно глаголом *кричать*.

⁴⁴ Ср. с репликами Ильи Муромца в схожей ситуации: «Постой, баба-яга! Я с тобой правлюсь!» и «Ты не моги со мной барахтаться!» (*Афанасьев*: 310, неизв., богатырская сказка; СУС –650 В*).

Вторая часть вставки четко соотносится со вторым эпизодом 301-го – Яга предстает воительницей, защищающей от чужака свою территорию. Она приезжает на ступе с пестом («экипаж» в обеих частях представлен традиционно), который и погоняло для ступы, и оружие; но именно пест, несмотря на очевидные агрессивность и силу Яги, снижает серьезность поединка, подчеркивая бабью природу поединщицы⁴⁵. Обмен угрозами краток, он стремительно переходит в схватку, которая завершается гибелью Яги. И это смерть воинская – в бою и от меча: «...схватил он копые, а ведьма ухватилась за пест. Азонай хотел ударить ее своим копьём, но оно переломилось от ее песта. Он взял свой меч-кладенец, отрубил ей прежде ее правую руку, которая с пестом сажень на двадцать отлетела, потом и голову...» Смерть Яги в поединке и от оружия обычна для второго конфликтного эпизода 301; в первом эпизоде ее смерть от меча (*Ончуков-1*: 34, Архангел.) – исключение, поскольку поединка как такового там нет.

Отметим также, что в первой части вставки Яга строго именуется Бабой-Ягой, а во второй – в речь героя и в повествование вводится и становится постоянным именование «ведьма»; но, так как ничто более Ягу как ведьму не характеризует, очевидно, что такое именование лишь способствует ее восприятию как злобной старой бабы. Называние Яги Бабой-Ягой по всему тексту, включая обращения, в 301-м – норма, но возможны единичные «волшебница» и «колдунья», последнее – в качестве замены (*Балашов*(оп.): 95, Мурман.).

Выявленные по вставке характеристики в целом соответствуют трактовке Яги в 301-м, за исключением концовок обеих частей, ставящих под сомнение *антропоморфный* облик и утверждающих сверхъестественность Яги-воительницы. В 301-м нет изображения Яги змеевидным Чудищем, заглатывающим противника, подобно былинному Змею («Налетело Змеичицо Горынчицо / О двенадцати змея о хоботах. / – А теперь Добрыня во моих руках, / Я теперь Добрыню съем-сожру, / С конем съем-сожру, а захочу в полон возьму!..»⁴⁶), но косвенные маркеры змеевидности Яги там есть. Так, в тексте начала XX в. (второй конфликтный эпизод) Яга внезапно оказывается гибридом с явно

⁴⁵ Пест – давнее признанное средство женской аргументации, что подтверждают лубочные изображения злых жен с пестом в руке, например: «Зла жена – пустота дому и печаль мужу (Жена изгоняет мужа [из дому]...)». См.: *Титова Л. В.* «Беседа отца с сыном о женской злобе»: Исследование и публикация текстов. Новосибирск, 1987. С. 59; ГИМ, собр. Барсова, № 2409, л. 7 об.; 6-я из 25 лубочных иллюстраций к этой известной анонимной повести XVII в. Напомним, однако, что, например, в описании Яги у М. Попова песта нет, вместо него – *железная палица* (см., сн. 10).

⁴⁶ Былина «Добрыня и Змей» (№ 157, зап. от И. А. Касьянова): Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. Т. 2. С. 544; но есть вариант, в котором Яга в этом сюжете дублирует Змея: [Простояв три года на заставе богатырской, Добрыня едет на Пучай-реку – захотелось «помытисе-покупатисе»...]

130

Забродил он во матку во Пучай-реку.

На ту ли то пору, на то время

Налетела курва Яга баба,

Ладит Добрынюшку нага пожрать...

(«Добрыня и Алеша», № 228, зап. от П. Воинова, Кенозеро)

змеиными чертами, и поступают с ней, как с уничтожаемым Змеем: «...он ударил ее палицей, слетели у нея девять голов; взял туловище ее и разрубил... <...> “Я бабе-Яге *все головы срубил, ...искоренил ее*”» (*Записки-1*, кн. 2: 13, Енисей.); в другом тексте упоминается разеваемая Ягой «*пасть*» (*Афанасьев*: 141 (вар.), неизв.). А в тексте конца XIX в. разрабатываются взаимосвязанно два мотива – конфликт первого эпизода 301 и 300 А, в которых антагонистами героя со товарищи параллельно проходят Яга и Змеи-поединщики: четыре дня кряду Яга навевается к вселившимся в ее избушку героям и последовательно с каждым разбирается; а по ночам главному герою столь же последовательно (за каждого побратима и за себя самого) приходится разбираться с 3-, 6-, 9- и 12-головым Чудами-Юдами (*Добровольский*: 6, Смолен.). Кроме того, во втором эпизоде 301-го относительно часты замещения Яги Змеем (*Смирнов-1*: 160, Нижегород.; *Ончуков-2*: 7, Тавдин.; *Разумова*: 30, Олонец.; и др.).

II. Есть сюжеты, в которых два из шести подтипов Яги-антагонистки по Н. В. Новикову – *мстительница* (сюжеты 300 А ‘Бой на Калиновом мосту’ и 303 ‘Два брата’) и *обладательница чудесных предметов* (сюжеты 519 ‘Безногий и слепой богатыри’ и 302₂ ‘Смерть Кашея [от коня]’)⁴⁷ соотносятся с воительницей. Отметим сразу, что прямое изображение Яги воительницей в указанных сюжетах встречается очень редко: в 300-м фиксируется всего один текст – *Смирнов-1*: 150, Казан. (серед. XIX в.); в 303-м таких текста три, – все середины – конца XIX в., и в одном из них тип определяется с натяжкой – *Афанасьев*: 155 (вар.), неизв.; *Добровольский*: 13, Смолен.; *Эрленвейн*: 23, Тул.; в 302-м два текста, но определяющие тип черты в них можно посчитать косвенными – Лекарство от задумчивости: 19, неизв. (конец XVIII в.); *Азадовский-1*: 30, Верхнелен. (зап. 1915 г.); 519-й демонстрирует лишь отдельные элементы «в россыпи». Но в каждом из этих сюжетов главным героем является богатырь, что влияет на характер конфликта с Ягой и на характеристики самой Яги как антагонистки героя богатырского типа – противник должен соответствовать. Хотя и в разной мере, Яга указанных подтипов обнаруживает черты воительницы, как общие, так и отдельные, напрямую зависящие от причины и цели конфликта.

Прежде всего это уже знакомые по 301-му повышенные *активность* (минимум статичности, быстрота передвижения, решительность и стремительность реакций) и *агрессивность* (инициативность, готовность ответить на вызов или привести к ответу, злобность, шум и крик); недюжинная *физическая сила* (в сочетании с отмечаемой в ряде случаев громадностью) и *сила колдовская*, которой Яга обладает и распоряжается; а также ее *владетьельность/хозяйственность* и готовность *защитить* все, что она полагает своим.

Кроме того, оба указанных подтипа также обнаруживают черты, сближающие Ягу с эпическим Змеем-противником героя, с обеими его формами –

⁴⁷ Указанные сюжеты упомянуты в статье К. В. Чистова как образцы неспецифического функционирования образа Яги, см.: *Чистов К. В.* Баба Яга. С. 56.

и с хранителем источника, и с похитителем. Рассмотреть основательно выявляемые общие позиции не позволит объем настоящей статьи, но обозначить некоторые из них вполне возможно.

П.1. Так, отмеченное за Ягой из вставки характерное для Змея⁴⁸ проглатывание противника живьем отсутствует в 301-м, но не единожды возникает по ходу развертывания мотива мести матушки/тещи Змеев (Яги – Змеи – старухи) в 300 А:

- проглатывание планируется на «женсовете» в змеином доме (правда, фиксируется реже, чем разрывание⁴⁹): *Записки-1, кн. 1: 34*, Минусин.; *Ончуков-2: 1*, Тобол. (= Бабе-Яге – 12-главая Змея); *Добровольский: 5*, Смолен. (= БЯ – «карова-гадина»⁵⁰);

- оно же очевидно в преследовании героев Ягой-Змеей с разверстой пастью («одна губа по небу, другая по земли» – «ни пройти, ни проехать, ни куды деться... лягут прямо в рот... сглону»), с пожиранием бросаемых ей «замен» – стогов сена, полениц дров, пудов соли и проч., богатырских коней, и даже братьев героя⁵¹: *Смирнов-2: 304*, Тобол.; *Записки-1, кн. 1: 36*, Том.; *Добровольский: 8*, Смолен. (= БЯ – «Змия-Шкурупея»);

- и в требовании к кузнецам выдать героя, чтобы пожрать его «в один глоток», с угрозой проглатывания их самих вместе с кузней, если ослушаются: *Афанасьев: 136*, Оренбург.; *Смирнов-2: 183*, Смолен. (= БЯ – приятельница Змеев); *Карнаухова: 163*, Архангел. (= БЯ – старуха, мать Поганных Долиц); *Никифоров: 36*, Архангел. (= БЯ – старуха, обернувшаяся Змеей) и др.

В эпизоде погони Яга – мать/теща Змеев, утрачивает антропоморфные черты, но и змеиного облика не принимает⁵²: есть единичные варианты, в которых она преследует героя с братьями в виде гигантской свиньи, кошки размером с сенную

⁴⁸ Пример «зеркального отражения» Яга – Змей: «Является лютый Змей с великим шумом и великой бурей и так на Ивашку обращается злобно: “О... прежде у нас русского духа слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух в устах является и в глазах мечется!.. <...> Живого... сглону» (*Садовников: 1*, Самар., 1884 г.; появление Змея здесь – аналог налета Яги-воительницы на героя, а «приветственная» формула практически имитирует традиционную для Яги, принимающей гостя в своей избушке; + общая угроза поглощения). См. замечание В. Я. Проппа к уничтожению Змея: «Змей чаще убивается потому, что он поглотитель, а не потому, что он водяное существо...» (*Пропт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 254–256*); т. е. Змея уничтожают не за его чуждость, принадлежность «иному» миру, а за специфику реализации агрессии.

⁴⁹ Разрывание здесь не в смысле «разорву на мелкие кусочки», что Яге этого типа также свойственно (например, именно разрывание декларируется ею во вставке «Сказки об Аргобазе», хотя реализуется проглатывание), но, скорее, «взрыв» с разнесением объекта в клочья – «...тут его [их] и разорвет».

⁵⁰ Вероятно, имеется в виду известная по поверьям змея, «доящая» коров на лесных или луговых выпасах, см.: *Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий: иллюстрированный словарь. СПб., 1995. С. 163.*

⁵¹ В белорусской сказке «Покатигорошек» (*Афанасьев: 134*, Гроднен., СУС 312 D (300 А)) герой бросает в пасть нагоняющей их Змее сначала трех ястребов, трех соколов, трех хортов, а затем и обоих своих товарищей.

⁵² Единственный вариант, в котором старуха, мать Змеев, обращается в Змею и «змея на пятах (!) бежит в эту кузницу» – *Никифоров: 36*, Архангел. (= БЯ).

копну, горы⁵³; и варианты, в которых облик пустившейся в погоню «старухи» не меняется, но очевидны ее устрашающие параметры: «[Заскочили герои в кузницу...] А старуха подошла – *одну ногу на кузницу, а другую под кузницу*. И говорит: “Иван-Царевич, выбегай, а то с кузницей проглочу”...»⁵⁴ В большинстве же вариантов герои воспринимают ее как грозовую тучу, надвигающуюся бурю, ощущают как изнуряющую жару и т. п., т. е. превалирует абстрактное проявление стихии, но отмеченное постоянной териоморфной чертой – широко разинутой для поглощения пастью.

Мотив проглатывания включает обратное действие: едва живая от побоев Яга/Змея по требованию героя «изрыгает» («выхаркивает») проглоченных живыми и невредимыми и даже верхом на конях (как в тексте рассмотренной вставки). Случается, что Яга отдает братьев мертвыми, или герой извлекает их таковыми из убитой Яги, и тогда вводится мотив оживления «возвращенных» с помощью живой и мертвой воды, к добыванию которой Яга, как правило, оказывается причастной. Добавим, что в прочих указанных сюжетах мотив проглатывания героев-богатырей Ягой или ее аналогами отсутствует.

Как уже было отмечено, Ягу-воительницу в 300 А дает всего один старый текст – *Смирнов-1*: 150, Казан. Мотив мести в нем представляется ослабленным, и не столько из-за инициируемого Ягой поединка, сколько за счет отличающей здесь Ягу невозмутимости, которую она сохраняет и когда узнает о гибели сынов, и когда вызывает героя померяться силами, и когда планирует месть, и во время поединка... Черта, противоречащая характерным для воительницы агрессивности и реактивности, она напоминает бестрепетность былинной «поляницы женщины великой», но еще больше – отрешенное спокойствие, свойственное древним сверхъестественным существам. Поединок же здесь видится усредненным вариантом боя со Змеем-противником на Калиновом мосту и поединка с Ягой-воительницей второго эпизода сюжета 301.

II.2. Считается, что в сюжете 303 работает также связанный со змеборчеством мотив материнской мести – «Я за то его убила, что он моего сына, семиглавого змея, убил» (обычно фигурирует один Змей-противник, хотя попадаются варианты и с характерным для 300 А и 300 А* многоглавым трио). На самом деле, этот мотив в 303-м редок, и если обозначается, то очень кратко, и фиксируется в текстах, где вместо Яги антагонисткой героя (и мстящей змеиной матерью) является старуха – волшебница, колдунья, ведьма⁵⁵. Колдовством, хитростью и обманом она приводит противника на свою территорию, усыпляет его

⁵³ Яга (но чаще аналоги), отправляющаяся в погоню свиньей – *Афанасьев*: 136, Оренбург.; *Сokolovy*: 37, Вологод. (= БЯ – мать Змеев); кошкой – *Садовников*: 1, Самар. (= БЯ – Змеева матушка); становящаяся горой – *Чернышев*: 82, Псков. (= БЯ – страшная старуха); очевидно, что все это варианты с заменами Яги.

⁵⁴ *Сидельников, Крупянская*: 3, Волж. (= БЯ – Змея-баба, самая старая старуха).

⁵⁵ Можно предположить, что мотив мести обозначился здесь под влиянием 300 А, дополняя изначально заманивание чужаков в свой мир старой злой колдуньей (что представляется нормой сюжета 303 в западноевропейской традиции).

бдительность и затем уничтожает. Элементов, позволяющих соотнести старуху-колдунью с воительницей, единицы – например, меч, которым она молниеносно обезглавливает героя⁵⁶. Но и в вариантах, где действует Яга, она подается как колдунья, даже если черты воительницы вполне очевидны. Интерес в этом отношении представляют четыре текста 2-й пол. XIX в. – *Афанасьев*: 155 (вар.), неизв.; *Добровольский*: 13 и 14, Смолен.; *Эрленвейн*: 23, Тул.

В смоленском тексте (№ 13) Яга сразу указывается волшебницей, что объясняет предостережение герою: «...у чисто поля ня ѳзди! Юсть... у двинацати вирстахъ Баба-Яга, *пребальшая валшебница*; <...> на ступи ѳздить, таўкачомъ паганяить, мятлой слѣдъ замитаить: ана можить васъ спакусить». И, несмотря на явные черты воительницы, Яга здесь расправляется с героем как волшебница: «Иван Иванавичъ схватиў вострый свой мечъ, штобъ срубить галаву Баба-Яги; а Баба-Яга, апирядіў яго, *якъ рубанула лазовым прутикымъ и пиряръзала яго на двая*: адна палавина трупа на адну сторану, а другая по другую». Герой здесь наказывается не за убийство «Цмока икаяного» (т. е. это не месть за сына), и не за несанкционированное вторжение, а за самонадеянность и грубость («невѣжа»): «Вотъ юнь ѳдить па чисту полю, и устрѣтилась зъ имъ Баба-Яга на ступи... и гаворить яму: “Здрастуй, Иванъ Ивановичъ, сильна магучій багатырь!” – “Здрастуйтя, Бабушка-Яга, кастяная нага!” – “Куда ты ега ѳдишь?” И атвичаить Иванъ Ивановичъ: “Бду... у чисто поля, полій пувидать и *сябе наказать! Да пара и старыхъ такихъ старухъ убирать!*...” – “Нѣтъ... твае дѣла, Иванъ Иванавичъ, никада ни придется: мы ни такихъ видали и за сябе брасали!...”».

В тексте из афанасьевского сборника привлекает внимание богатырский выезд Яги, а также характер ее угрозы герою: «Убил Иван солдатский сын третьего Змея и думает: “*Больше нет мне противника!*” Вдруг издали пыль поднимается – что бы это значило: *вихорь ли играет али рать-сила идет?* Глядь-поглядь – *скачет на железной ступе баба-яга, костяная нога, толкачом погоняет, помелом след замает, сзади собачка побрехивает.* Кричит она: “Стой, Иван солдатский сын! Зачем заехал в наши места? Вот *возьму толкач да начну твои косточки в ступе толочь*, так не скоро опомнишься!”» Как и положено колдунье, Яга оправляется от смертельной раны и оживляет убитых героем Змеев: «Иван... ударил бабу-ягу острой саблею и ранил в самую грудь, ухватил её – сунул под камень и пошел домой... Дня через три *отдохнула баба-яга, вылезла из-под камня и давай вынимать оттоль змеинные головы, вынула головы, принялась добывать змеинные туловища – добыла и их со дна моря. Приложила головы к туловищам и оживила всех троих Змеев*». Прямой связи Яги со Змеями-поединщиками вроде бы нет, но Яга выезжает биться с героем сразу после его победы над последним Змеем (словно на смену), и в ее реплике есть объединяющий ее со Змеями элемент – «Зачем заехал в наши места?»

⁵⁶ «Старуха... села ужинать. Как поела, выхватила меч и отрубила ему голову» (*Королькова*: с. 189–192, Воронеж.; = БЯ; (1957 г.); в другом тексте Змея-оборотень убивает героя его же «медью-кладомедью» <в словнике сборника пояснений нет, но речь явно идет о мече-кладенце> (*Чернышев*: 45, Псков., 1927 г.; = БЯ – Змея – лубяные глаза).

Как и смоленский № 13, текст из собрания Эрленвейна содержит предупреждение об опасности встречи с Ягой, хотя волшебницей или колдуньей ее никто не называет – «Не ездите [в заповедные луга], там живет баба-яга, костяная нога». Началом встреча напоминает вставку «Сказки об Артобазе»: «...ехал [Иван Девич], ехал и очень устал; ...слез, сам на луг лег, а коня пустил. *Едет баба-яга, костяная нога, на железной ступе, железным толкачом погоняет.* “Какая это гадина в мои луга заехала?”» Но Яга здесь не столько воительница, сколько колдунья, и использует типичный для нее в 303-м колдовской прием, обращающий недруга в камень, а последующее толчение в ступе – способ его полного уничтожения: «Подошла, вырвала у себя волос, говорит Ивану Девичу: “*Завяжи три узелочка и дунь*”. Он завязал, дунул и с конем окаменел. Положила она их в ступу и ну толочь. Истолкла их в мелкие кусочки, положила в кулек, а кулек под камни».

В смоленском № 14 не Яга определяется ведьмой, а ведьма именуется Ягой – «У етымь лясу жила *вдьма, празывалась Баба-Ига*, Кастинная Нага». Нет ничего, что определяло бы ее как воительницу, разве что быстрота передвижения – «ина нясетца, ажну трясетца...» Колдунья же представлена полно – с помощью колдовства она заманивает героя в лес: «Какъ уѣхаѹ у лесъ, сделалась теминь, халодный ветирь и лютый марозь. И сделался ему великий блудь, заблудивь онь у тымь лясу и заночувавъ...»; и все тем же колдовским приемом с выдираемыми и сдуваемыми волосками «милый... нашлежникъ» вместе с конем и охотой превращается в камень. Мотив мести здесь перевернут – не Яга, змеиная мать, мстит за убитого сына, а сын (Чудо-Юдо, Морское Чудище) собирается мстить за убитую мать. Вызов на бой делается в неожиданной для Змея форме – из моря на берег выбрасывается письмо, но угрозы в нем традиционные змеиные – обещание «погубить» царство и требование отдать на пожрание царскую дочь.

П.3. Но вернемся к эпизоду погони в 300 А: неопределенность облика Яги-матери Змеев в сочетании со стихийной мощью сказывается на характере ее передвижения – оно так стремительно и неотвратно, что богатырские кони едва в состоянии (или не в состоянии) унести от нее героев. Яга *надвигается*, она *догоняет* и *настигает*, *летит* и *бежит*, но нет производных от ‘*ехать*’ и ‘*скакать*’, и отсутствует даже упоминание ее традиционного «экипажа»; тогда как в 301-м разьезды Яги в ступе и с пестом – норма, как и используемые для обозначения ее передвижения в «экипаже»⁵⁷ глаголы *ехать*, *скакать* и *лететь*, т. е. те же, что обычно обозначают езду верхом на коне.

Очевидно, что ступу Яга предпочитает коням, даже очень хорошим; единственная фиксация ее выезда на богатырском коне в 301-м: «...села она на своего коня и едет [разбираться с героем]» (*Записки-1, кн. 1: 13, Енисей.*); примечательно, что именно в этом варианте Яга в момент гибели вдруг оказывается

⁵⁷ Исключения – *Худяков: 46, Рязан.; Опчуков-1: 27, Архангел.*

маркирована как Змей – герой сносит ей *«все девять голов»*, ранее в повествовании никак не упоминавшихся.

В 300 А прибытие к месту схватки на коне верхом можно считать основным антропоморфным маркером Змея-поединщика; причем маркером постоянным, так как большинство текстов с эпизодом ‘Боя на Калиновом мосту’ дает более или менее подробное описание змеиноного выезда: *«Время пошло за полночь, на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались – выезжает чудо-юдо двенадцатиглавое; конь у него о двенадцати крылах, шерсть у коня серебряная, хвост и грива – золотые. Едет чудо-юдо; вдруг под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ощетинился...»* (Афанасьев: 137, неизв.). Изображение коня Змея можно считать типичным, не отличающимся от изображения коня героя богатырского типа:

...море всколыхалось: лезет чудо-юда, мосальска губа – змей шестиглавый; свистнул-гаркнул *молодецким посвистом, богатырским покриком*: «Сивка-бурка, вещая каурка! Встань передо мной, как лист перед травой». *Конь бежит, только земля дрожит, из-под ног ископытъ по сенной копне летит, из ушей и ноздрей дым валит.* Чудо-юда сел на него и поехал на калиновый мост...

(Афанасьев: 136, Оренбург.)

Обратился Ивашка Белая рубашка... на восход... закричал своим громким *голосом богатырским*: «Гой еси, где ты, мой добрый конь Сивка-Бурка?» Услыхал же Сивка-Бурка голос хозяйский, *шибко бежит, аж земля дрожит, из ушей дым столбом валит, изо рта пламя пышет.* <...> ...сели на добрых коней, поехали во чисто поле, во дикую степь. *Горы, доли перепрыгивают, темные леса между ног тускают...*

(Садовников: 1, Самар.)

Обретение чудесного помощника – быстрого, могучего, предчувствующего опасности, выручающего в трудных ситуациях, соратника в бою⁵⁸ и т. д., – что в былинке, что в сказке является одним из важнейших элементов становления истинного героя. В связи с чем особое значение (в смысле одоления и обезвреживания противника) получает устойчивый в 300 А мотив «перековки» Ягиматери Змеев в кобылу (реже – в коня) для героя, не уступающую, а то и превосходящую по качествам коня богатырского: *«...кузнецы схватили ее за язык двенадцатью раскаленными щипцами, а Запечному Искру дали молот и заставили им бить Бабу-Ягу по языку, а сами стали приговаривать: “Будь кобылицей”.* [Они сажают Искра на *превратившуюся* (так!) в кобылицу Ягу и велят объехать вокруг кузницы, – результат не удовлетворяет: “Нет, она *еще не настоящая кобылица*, в ней дурь есть”. Вновь принимаются ковать]...» (Смирнов-2: 304,

⁵⁸ В одном из вариантов «боя на Калиновом» конь героя откусывает Змею головы (Смирнов-2: 249, Тамбов., 1890 г.); ср. с обратной ситуацией: Змей бьется верхом на чудесной кобылице («на матке»), которая взмахом хвоста приживляет ему отрубленные героем головы (Смирнов-2: 183, Смолен., 1914 г.).

Тобол.); «...три богатыря начали молотами бить по языку. Ведьма закричала, застонала и завизжала, потому что *у ней вся сила была в языке*. Ведьма вертелась-вертелась да и издохла... <...> “*Вы из этой ведьме скажите мне серебряново златогривово коня*”» (Чернышев: 82, Псков., = БЯ – страшная старуха, волшебница/ведьма⁵⁹); альтернатива – герою выковывают железного коня, которого «*Яге не догнать будет*».

Отзвук темы Яги-кобылы улавливается в 519-м – как коня под уздцы, богатыри ведут Ягу, ухватив за седые космы, к источнику живой воды, или едут на ней верхом, как на эпическом Змее. Езда верхом на побежденной Яге фиксируется и в 301-м: «...заскочил на бабу-ягу верхом, схватил за косы и поехал...» (Опичуков-1: 241, Архангел.); и в 300-м – также, причем герои едут верхом на запряженной в плуг «Змее Шкурупее», матери Чуд-Юд, с пропахиванием рва до самого моря⁶⁰ (адаптация легендарной темы Змиева вала).

II.4. В 302₂ Яга является хозяйкой чудесного табуна, и пожелавший («Наслышан я, Яга-Ягишна, што есть у тебя богатырский конь...»⁶¹) может выслужить⁶² себе коня – дивное воплощение силы⁶³; правда, условия жесткие – выпасать табун Яги «па абыцью» три дня: «упасешь – дам тебе коня, а не упасешь – голова с плеч»⁶⁴, т. е. жизнь за коня. Табун не велик, но это собственные дочери Яги, превращаемые ею в кобылиц⁶⁵: «...а у той ли у бабушки двенадцать дочерей. Они-то девушки да девушки, а будут сейчас кобылушки да кобылушки...» (Садовников: 1, Самар.); и «ездит» на них Яга не хуже, чем на своей ступе: «...у ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у ней и других славных кобылиц...» (Афанасьев: 159, неизв.).

⁵⁹ Именование «ведьма» – лишь эмоциональная характеристика и не свидетельствует о ведьмовстве Яги, она здесь колдунья; именно колдуньей определял Ягу Г. Глинка: «Это очень злая, старая и мощная колдунья или волшебница» (Глинка Г. А. Древняя религия славян. Митава, 1804; цит. по: Мифы древних славян. С. 128). В одном тексте встретился очень интересный пассаж о выкованном из Яги коне: «[кузнецы сажают Ивашку на “доброе” коня, посылали объехать вокруг кузницы:] “Если этот конь объедет все четыре стороны, то может тебе вовеки служить”. Он же *на коня не сажается, больше его опасается: сделан конь из несчастного человека, и из злобного, и из страшного, из немилостивого*» (Садовников: 1, Самар.).

⁶⁰ Сказка «Аб Ивани Гадимывичи, Алексеи Гадимывичи, Стаўри Гадимывичи-Сам-Малалетин-Пьяници» (Добровольский: 8, Смолен.).

⁶¹ Азадовский-1: 30, Верхнелен.

⁶² Яга в принципе неохотно расстается с тем, что ей принадлежит (что бы это ни было), здесь же речь идет о чудесном коне. Случай невозмутимого выполнения ею обязательств по договору редки, обычно она проявляет недовольство, которое легко может перейти в агрессию – Яга бросается в погоню (на ступе).

⁶³ Чудесный конь Яги (реже – кобылица) определяется как «осьминогий», «крылатый», что подчеркивает главное его достоинство – быстроту; максимально адекватным определением является «богатырский», со всем, что под этим подразумевается.

⁶⁴ Еще одна форма испытания героя на соответствие – чудесная сила дается только достойному.

⁶⁵ Смирнов-1: 108, Псков., 1870 г.; это единственный вариант, где вместо дочерей указываются похищенные Ягой девицы. Обычным является обращение в кобылиц, но могут фигурировать коровы, водоплавающие птицы (гуси, утки) и т. д.; как правило, в табуне 12 кобылиц, но их может быть и семь, и три.

Конь на отдачу в число «выпасаемых» обычно не входит; как правило, это жеребенок и приходится кобылицам-дочерям Яги братом/сестрой или является их порождением («хоча целовек сабе жирябенка ат тваих кабылиц...» (Смирнов-1: 108, Псков.)). Возникает вопрос о характере магической силы, которой Яга обладает и которой свободно распоряжается внутри своего рода по женской линии. С дочерьми Яга делает все, что считает нужным: меняет их облик (девиц превращает в кобылиц, кобылиц – в девиц); указывает, что им должно делать (например, хорониться от героя в море); перераспределяет их силу – провинившихся ругает и нещадно сечет до состояния чуть живых, а затем вмиг возвращает им вид откормленный и холеный; «вынимает» из них силу, вкладывая все в жалкого на вид жеребенка и т. д. Яга здесь явно демонстрирует черты могущественной колдуньи и матриарха.

Поскольку в 302-м герой всегда сам приходит к Яге, он нередко застаёт ее традиционно сидящей или даже лежащей, однако ее статичность и внешнее спокойствие обманчивы. На агрессивность и силу Яги указывает частый здесь тын с молодецкими головами: «Отдам жо я тебе коня своево, но... пропаси [табун] три дня, а нет – то тебе голова с плеч долой! У меня вокруг двора занесён железный тын, на каждой тынинке по человеческой голове висит, а на одной еще нет. И вот твоя голова будёт на этой последней...» (Зеленин: 86, Вят.)⁶⁶. На уровне угрозы может проявляться людоедство Яги: «...[а не упасешь лошадок] мяса твоего наемся и крови твоей напыюся!» (Садовников: 4, Самар.). Возможна также погоня за героем, чтобы вернуть утраченное «свое»: «[Забрав выслуженного жеребенка, Иван-царевич ночью сбегает.] Поутру баба-яга пробудилась – паршивого жеребенка видом не видать! Бросилась в погоню; во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет...» (Афанасьев: 159, неизв.).

Несмотря на то что в 302-м нет прямой подачи Яги как воительницы, есть единичные маркеры. Так, в уже упоминавшемся в связи с лубочными картинками старом тексте⁶⁷ говорится, что король-змей Еракский ездит в тридесятое царство на поединок с Ягой.

Но воительницей Яга может определяться как хозяйка богатырского коня – владение обязывает. В одном из текстов она через силу отдает герою выслуженного коня – и свой, и поистине «богатырский» – герой уводит его под уздцы, ибо «...сясти на ево страшно было». Конь же, признав героя, подговаривает отпустить его к Яге, чтобы забрать у нее причитающийся <вместе с ним> «богатырский приспех»⁶⁸: «Прибежал. <...> Хозяйка обрадовалась, заставила

⁶⁶ Странная для героя-воителя покорность судьбе: «...не миновать, видно, мне молодцу... будет тут моя буйна-голова”...» (Азадовский-1: 30, Верхнелен.) фиксируется нечасто, но случай не единичный.

⁶⁷ «Сказка вторая о Иване-царевиче» (Новиков: 30, неизв., из сб. «Сказки русские П. Тимофеева» (1786 г.)).

⁶⁸ И в героическом, и в сказочном эпосе богатырь, обретающий себе коня «под статью», как правило, обретает вместе с ним богатырские доспехи и оружие. Здесь возможна также связь с бытовой хозяйственной магией: известно, что, если продаешь коня, но намереваешься его вернуть, нельзя отдавать вместе с ним его сбрую; отдашь – конь отходит купившему безвозвратно.

своих дочерей вынуть богатырское седло, все богатырскую приспеху. Привязала к белодубову столбу, к серебряну кольцу. Сяла чай пить, любуетца. “Ех, ты, Иван-царевич, *не тебе моей лошадыю владать!*” Потом он заржал, затрепетал ногами и пошел догонять Ивана-царевича...» (*Азадовский-1*: 30, Верхнелен.; аллюзия на довольно редкий былинный эпизод, в котором Змея (ж. р. – так!) выкупает свою жизнь, причем делает это ради «малых деточёк», за собственные богатырское оружие, доспехи и... любимого коня⁶⁹).

II.5. Во втором конфликтном эпизоде 301-го Яга (но это характерно и для аналогов) нередко пытается восстановить растроченные в бою силы, испивая сильной воды, запас которой, равно как и бессильной, находится у нее под рукой: «[Герой находит Ягу спящей, “абапыл яе две бочки вина”; он пьет из той, в которой вино сил прибавляет, и меняет бочки местами]... Выпила она вина с правой руки и у яе силы удвая паменшила. Стали яны битца: Кабылин сын яе сичас жа убиў...» (*Добровольский*: 6, Смолен.); или: «...[Вызволненная героем царская дочь дает ему совет:] “На трапé стоит кукшин живой воды – по правую сторону, по левую – мёртвой: *как будешь биться с Бабой-Ягой, – напейся живой воды и перемени кукшины*”...» (*Азадовский-2*: 8, рус. Карел.; СУС 519 + 301 А).

Но и в других указанных сюжетах Яга предстает если не владелицей сильной и бессильной воды, то хранительницей воды живой и мертвой, нужных для оживления умерщвленных или для восстановления покалеченных богатырей. В одном из текстов сборника Афанасьева мать Змеев, лишившись двух младших сынов, намеревается выставить на бой с героем своего старшего, «о двенадцати головах – тот его доконает. Потому доконает, что *есть у него вода сильная и вода слабая*; сильная стоит на правой руке моста, а слабая на левой...» (*Афанасьев*: 137, неизв., = БЯ – Змеиха; СУС 300 А). В другом тексте Яга, попав в безвыходную ситуацию, молит героя: «“Федор нянькин, не губи ты меня, я тебе брата и с конем воскрешу.” – “Ладно, сейчас чтобы было сделано”. *Баба-Яга слетала и принесла живой и мертвой воды. Спрыснула мертвой водой Ивана-царевича и коня, кости срослись; спрыснула живой, они соскочили*» (*Гура*: 17, Вологод.; СУС 303); «Дошли оне... до Яги-Ягишны; у ей попросили живой воды. Она сказала: “Подите, вот в этем колодце живая вода”. Слепой намочил глаза и сделался с глазами. Безрукой примачивал свои руки, и те выросли...» (*Зеленин*: 7, Перм.; СУС 519), ср.: «...схватил змея и говорит: “...вези, к живой и мертвой воде”. Змей

⁶⁹ Былина «Добрыня Никитич и Змей», см.: Былины Зимнего берега Белого моря (Свод русского фольклора: Былины: в 25 т. / Отв. ред. А. Н. Власов). Т. 8. СПб.; М., 2018. С. 175–176:

70 А как Змея всё взмолиласе:
«А для моих-то младых деточёк!
Когда дам ему платьё цветное,
Цветно платьё богатырьскоё,
Отдам-то я свою паличу чязжолую,
75 Отдам-то я тебе свою саблю вострую,
Отдам вдостали своёго коня да Воронеюшка...»

(№ 5, зап. 1901 г. в Нижней Золотице от Г. Л. Крюкова)

привез ... <...> Помазал [Бур-храбер] глаза, стал глядеть, помазал Дмитрию-царевичу ноги, и он стал ходить» (*Эрленвейн*: 28, Тул., = БЯ). Владение источниками чудесной воды и их защита сближают Ягу в функциональном плане с мифическими Змеями, распоряжающимися водной и огненной стихиями⁷⁰.

П.6. В 519-м Яга (аналог – Змей), принуждаемая через борьбу и побои указать богатырям источник (колодец) живой воды, как правило, подвергает их испытанию, приводя сначала к источнику с водой мертвой (= «разорвательному» или, что чаще, огненному колодцу): неостанет у героев бдительности – и нет противника. Но примечательно, что в большинстве случаев все завершается гибелью самой Яги (или ее аналога – Змея) в том огненном колодце, а в 303-м нередко является ее сжигание на костре. В 302-м погоня за героем может прекращаться с его уходом за огненную реку и даже гибелью Яги в ней: «Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: “Хорош мост!” Поехала по мосту, только добралась до середины – мост обломился, и баба-яга чубурах в реку; тут ей и лютая смерть приключилась» (*Афанасьев*: 159, неизв.). В эпизоде другой погони в 302-м от жара огненной реки героя спасает щит, которым он прикрывается, уходя по чудесному мосту от почти настигшей его Яги (*Азадовский-1*: 30, Верхнелен.; “зеркальное отражение” – в одном из вариантов на сюжет –327 В** (“24 брата и 24 невесты”) во время погони Яга едва не сжигает героя с братьями жаром своего огненного щита (*Афанасьев*: 105, неизв.) – еще одна отсылка к «Сказанию о Еруслане»).

Жилище Яги, особенно «змеиный дом» в 300-м («там змеи одни женщины»), обычно находится у воды: избушка около речки (*Смирнов-2*: 304, Тобол.); мост через реку, а за рекой – дом (*Смирнов-2*: 183, Смолен.); терем у моря (*Зеленин*: 9, Перм.); «а Баба-Ига жила у мори» (*Добровольский*: 14, Смолен.) и т. д.⁷¹ Вода у дома «своя» для Яги – ею она себя подкрепляет, прочищает себе горло, всякий раз возвращаясь «домой», чтобы «запить» проглоченные в погоне за героем ковриги, пуды соли, муки и проч. Однако неумеренное питье воды, приводящее Ягу к гибели, в текстах на разбираемые сюжеты почти не встречается: «Падашла ана к морю, начала пить. Патуда пила, пакуда лопнула...» (*Добровольский*: 8, Смолен., = БЯ – Змея Шкурупея, мать Чуд-Юд; ср. – змей, сосущий воду из источника⁷²).

⁷⁰ На связь Змея с водой и огнем указывали и В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов, см.: *Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки*. С. 217; 253; *Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос*. С. 39.

⁷¹ Местонахождение жилища Яги рядом с водой характерно не только для 300 А, но и для других рассматриваемых сюжетов: в 303 дом может находиться за озером, у моря, как варианты – в лесу дремучем (т. е. темном, густом, влажном), или в заливных лугах, т. е. заливаемых (значит, вода рядом); в 519 – в лесу, но источники (колодцы, ключи, озера) рядом, за морем и т. д., а в одном из вариантов указывается, что Яга живет не за тридевять земель, но «за тридевять озер»; в 302₂ – нередко за огненной рекой.

⁷² О. А. Черепановой приводится новгородская легенда о Змее, опившемся и лопнувшем на озере Игорь (№ 381, вар. 1–2), см.: *Мифологические рассказы и легенды Русского Севера* / Сост. и авт. коммент. О. А. Черепанова. СПб., 1996. С. 101–102.

Неслучайно, чтобы уничтожить героя с братьями, Яга-Змея в 300-м одну из своих невесток/дочерей неизменно оборачивает (или санкционирует оборот) в водный источник:

- в *колодец* – «Поді, овернись колодчём, ключёвой водой и чарочкой золотой. Станут они эту воду пить, их разорвёт» (*Ончуков-1*: 27, Архангел.); «Оберну я тебя колодчиком – пойдет, как напьется, так мертвой и будет» (*Соколовы*: 112, Вологод.);

- в *речку* – «ты, младшая, сделайся быстрой, светлой речкой, они напьются и умрут...» (*Записки-1*, кн. 1: 34, Минусин.);

- в *ключ, ключевую воду* – «Ты, трехглава, сделайся ключевой водой: день жаркой, они... напьются, ты их разорвёшь» (*Ончуков-2*: 1, Тавдин.); «...молчи, деточка, свернись ключевой водой в цистом поле... захотят напиться – рóзрвет-рóстреснет» (*Карнаухова*: 163, Архангел.); «Онна говорит, что я напушшу жажду, другая говорит: “А я обращусь ключком, как он напиться захочет, так я и прожжу...”» (*Чернышев*: 2, Псков.) и т. д.

Последний из примеров свидетельствует о возможности Ягих воздействовать на человеческие чувства и желания вкупе с манипулированием природными силами – жажда подкрепляется жарой («жáром») – «день [сделаю] жаркой»: «напушшу жажду... захотят напиться», «накину жары несчисленья, – захочитца им пить, душа их будить вон из тела лезть...»; причем управляются Ягие с обеими стихиями – и с водой, и с огнем – «напиться захочет, так я и прожжу...».

Сопоставления можно продолжить, но даже из бегло рассмотренного материала видно, что отмеченные характеристики мстительницы и владелицы чудесных объектов существенно пополняют функциональный «портрет» Яги-воительницы. Считающийся основным по данному типу сюжет 301 А, В может и должен рассматриваться в связке с эпизодами других сюжетов, в которых выявляются общие элементы, характеризующие Ягу как воительницу. В этот блок могли бы войти не только упомянутые сюжеты – 300 А, 303, 302₂ и 519, но и змееборческие 300 А* ('Возвращение (или добывание ключей) змееборцем похищенных Змеем небесных светил'), 300₁ ('Победитель Змея (освобождение предназначенной на съедение царевны)'), 312 D ('Катигорошек'); и некоторые другие, например, отдельные варианты волшебного-героических и богатырских сказок – 650 В* ('Еруслан Лазаревич'), 551 ('Молодильные яблоки'), и даже единичные варианты 327 В** ('24 брата и 24 невесты') и 327 С, F ('Мальчик и ведьма')⁷³.

⁷³ Сказка «Про Фалилеюшка» (Астахова: 21, Зимний берег Белого моря, зап. 1937 г. от М. С. Крюковой; текст неопубл., РО ИРЛИ, р. V, к. 147, п. 3). Яга здесь хозяйка обширных угодий, скота, богатого дома, мать трех девиц-Ягишен, и владелица богатырских «утех» – палицы, кольца и цепи. На угощение и возможность поиграть с многопудовыми «удивительностями» Ягишни пытаются залучить Фалилеюшка “в гости”. То, как Ягишни управляются с этим арсеналом, свидетельствует об их (и матушкиной тоже) богатырской силе.

Подведем итоги.

В статье анализировались сказочные тексты, в которых функционирует тип Яги-воительницы или, как мы полагаем, проявляются характеристики этого типа. Рассматривались тексты разных регионов России, и, отметим сразу: наиболее полную и продуктивную картину по типу Яги-воительницы дают тексты Русского Севера и Северо-Запада, материалы прочих регионов их более или менее органично дополняют. Рассматривался также ряд текстов с неустановленным местом записи; это, прежде всего, некоторые тексты из сборника А. Н. Афанасьева, а также тексты из ранних сборников сказок – Старой Погудки, Лекарства от задумчивости, сборника П. Тимофеева. Поскольку в исследовании мы отталкивались от выдвинутого К. В. Чистовым положения о несоответствии типа воительницы каноническим характеристикам Бабы-Яги, особый интерес для нас представляли следующие позиции.

Во-первых, выяснение наиболее раннего проявления работы этого типа Яги; в связи с чем и было больше внимания уделено доступному раннему информативному материалу и сказочным текстам ранних записей и публикаций. Судя по рассмотренным материалам, таким временем следует считать XVII в., возможно, даже первую его половину. Бóльшая определенность, подтверждение или опровержение сделанных нами выводов возможны при более основательном исследовании прецедентных текстов в лубке и в древних русских повестях (характер подачи типа и его аналогов в обработках устной народной сказки и в адаптивных переработках заимствованных письменных произведений).

В пользу указываемой временной позиции говорит, с одной стороны, появление специфической формы – волшебного-героического сказки (о чем писал Н. В. Новиков во вступлении к «Русским сказкам в ранних записях и публикациях XVI–XVIII вв.»), вызванное востребованностью произведений на отечественном материале в манере западноевропейских рыцарских (квест-)повестей. С другой стороны, с XVII в. идет снижение актуальности героического эпоса. И с тем, и с другим, по-видимому, следует связывать активизацию взаимодействия между волшебной сказкой и былинным эпосом. В волшебного-героических и в появившихся богатырских сказках очевидны обращения на композиционном, образном и языковом уровнях к художественной системе героического эпоса. Яга в этих сказках противопоставляется героям-богатырям, и сама при этом обретает богатырские черты, а в героический эпос вводятся элементы волшебной сказки, и находится место Яге, причем как воительнице и поединщице, противнику богатыря⁷⁴.

⁷⁴ Свидетельством взаимодействия служит и тот факт, что сказки этих типов, так называемые мужские – большинство записей сделано от сказочников, являющихся сказителями. Понятно, что подача образа напрямую коррелирует с состоянием традиции (следовательно, важен фактор времени записи, определяющий сохранность, характер трансформаций и т. д.) и с уровнем владения исполнителя традицией, причем как сказочной, так и сказительской; а в некоторой степени и от его пола, поскольку былины – жанр мужской. А. Гильфердинг касается специфики мужского и женского былинного репертуара на Кенозере. См.: Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины. Т. 1. С. 32–33.

В процессе взаимообмена и в сказке, и в былинах со всей очевидностью действуют архаичные основы, получающие своего рода трансформационный импульс, в героическом эпосе одной из таких основ является змееборчество. Будучи по сути древнейшим противником героя в восточнославянской эпической традиции, Змей нередко дается как Змея (ж. р.!), что позволяет сопоставлять и в отдельных случаях даже проводить замену на Ягу (см. Онежские былины). В этой связи нельзя игнорировать образ былинной «богатырки женщины великой» (не девы-воительницы, но бабы), «стоящий особняком» в эпической традиции славян (эксклюзивный элемент русской традиции)⁷⁵, с которым по ряду позиций может быть соотнесена Яга-воительница.

Яга с ее мифологическими корнями, хтоничностью (чуждостью, принадлежностью «иному», подземному и водному миру), териоморфностью (родственными связями со змеями, собственными змеиными чертами), матриархальностью (главенством по женской линии), колдовством (архаичная связь со стихиями, и оборотничество) – достойное воплощение зла; она совершенно логично попадает в число противников героя, чему способствовал длительный процесс, включающий как дохристианский период перехода от матриархальных к патриархальным отношениям, так и время христианизации (змеи – зло – дьявол). Сближение типа Яги-воительницы со Змеем-противником героя (с учетом сказочных Змеев-поединщиков) видится в этом контексте оправданным.

Во-вторых, сказки с типом Яги-воительницы – героические, так как все рассматривавшиеся в работе сюжеты (301 А, В; 300 А (300 А*); 302₂; 303; 519) фокусируются на герое-богатыре, нередко необычного происхождения, что отражает имя – Иван медвежье ушко, Вол Волович и др. Его товарищи тоже богатыри, и тоже необычные, но чаще по роду занятий – Мишка Водовоз, Горыня (Горокат), Дубыня (Лесовик), Усыня и др.⁷⁶, а в богатырских сказках фигурируют былинные герои – Илья Муромец, Алеша Попов, Добрыня Микичич, Ванька Шарамыжка и др. Богатырство героев в определенном смысле объединяет указанные сюжеты и влияет на характеристики Яги как антагониста богатырей. В этом типе сказки Яга является воплощением универсального зла, которое герой должен победить, уничтожить любой ценой⁷⁷; это становится его главной

⁷⁵ Что еще в конце XIX в. отметил И. Сазонович: «...замечание гг. Антоновича и Драгоманова (Исторические песни малорусского народа. Т. 1. Киев, 1874), по нашему мнению, крайне метко и интересно: “Образ «поляницы женщины великой», встречаемый в великорусских былинах, видится... стоящим совершенно особняком; он не подходит под тот культурный период, когда сложились песни о девушке-воине”, см.: Песни о девушке-воине и былины о Ставре Годиновиче. Исследование по истории развития славяно-русского эпоса И. Сазоновича. Варшава, 1886. С. 4.

⁷⁶ Подтверждение того, что имя сказочного персонажа есть свернутая его характеристика; сам же сказочный персонаж, по определению В. Я. Проппа, это прежде всего функции, а атрибутика и формы – величины переменные. См.: *Пропп В. Я.* Морфология сказки. Л., 1969. С. 79.

⁷⁷ Конфликт в большинстве сказок с Ягой-воительницей имеет воинскую специфику (поединок), где гибель Яги от руки героя-богатыря, в общем-то, обязательна; хотя, встретилось несколько текстов, в том числе ранней фиксации, с мирным разрешением конфликта (например – *Старая погудка*: 10, неизв., СУС 301 А, В; *Худяков*: 46, Рязан., СУС 300 А; и др.).

задачей, остальные мотивы стягиваются вокруг таковой. Следовательно, тезис 'Яга «встречается герою на пути»', принимается лишь отчасти, но с учетом того, что за очень малым исключением Яга в целом и воительница в частности – персонаж эпизодический, "работающий" на выявление идеального героя-богатыря. Яга-воительница в волшеббно-героических сказках варьирует, она может трактоваться как:

- поляница (богатырка), но достоинство поединка с таким противником для богатыря представляется сомнительным, откуда частая сниженность подачи конфликта (препирания, насмешки, инверсии и т. д.);

- противник по мужскому типу (близко к Змею-поединщику из 300 А), в целом превосходящий героя по силе⁷⁸; очевидно балансирование подобного противника между воином и существом, владеющим магией, использующим колдовские приемы в поединке; победить такого противника для богатыря – и честь, и долг;

- существо сверхъестественное, Чудище (здесь также возникает развернутость на традиционного в героическом эпосе змееподобного противника), воплощение зла, уничтожение которого, как уже было отмечено, является для героя главной целью. Однако при этом не должна сбрасываться со счета женскость Яги. По-видимому, сочетание зла и женского начала и ведет к отключению правил честного боя в столкновении с Ягой, допустимы любые средства: хитрость и обман, сторонняя помощь – от подсказок-советов до поддержки силой, не исключаяющей приема «всем скопом на одного». Все это является оправданным, так как в этом случае Яга – противник, над которым взять верх в честном поединке даже для истинного героя-богатыря не представляется возможным⁷⁹;

- наконец, есть варианты, в которых тип определяется условно: воительницей Яга не называется, о поединке с героем речи нет, но конфликт и противостояние есть, и герой – богатырь, которому Яга как антагонист должна соответствовать.

В-третьих, имея в виду обозначенные связи волшеббно-героической сказки с героическим эпосом, мы обратили внимание на маркеры противостояния утверждающегося мужского (патриархального) порядка и матриархального

⁷⁸ Имеется в виду характерный для 300 А троекратный по возрастающей проход эпизода поединка героя – от сравнительно легкого боя с 3-главым Змеем к схватке на пределе сил со Змеем 12-главым.

⁷⁹ Б. Н. Путилов видит причину различий в поединках Добрыни (былина «Добрыня и Змей») в соединении в одном сюжете «двух различных представлений о Змее, о его силе и возможностях» – о Змее – хозяине воды и о Змее – похитителе и насильнике. На почти случайный поединок со Змеем первого типа богатырь внутренне готов, он не может не справиться, и потому пренебрегает материнским предостережением; отправляясь по княжьей воле на другой поединок со Змеем второго типа, Добрыня демонстрирует редкое для богатыря отчаянье – горько сетует матери на свою несчастную долю, так как ничем, кроме собственной силы, не располагает, а победить Змея в прямом бою таковой неостанет. См.: Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. С. 38, 40–45.

(женского), сдающего свои позиции (откуда неизбежные поражение и гибель Яги от героя-богатыря); по текстам выявляется целый ряд таких маркеров:

а) герой со товарищи (богатырское, в том числе крестовое, или родовое братство) противостоит Яге – главе рода по женской линии: Яга как матриарх (хозяйка, владычица) использует колдовство, хитрость и обман, что соответствует архаической жреческой функции (женской в древности), т. е. демонстрируется антагонизм по женскому типу, но как воительница Яга сочетает таковой с антагонизмом по типу мужскому (поединок);

б) чудесное происхождение сказочных героев богатырского типа определяет их по материнской линии, на что указывают имена – Царицын сын, Служанкин сын, Кобылин сын, Коровин сын, Сучье рождение и т. п., т. е. герои здесь по сути своей – маменькины сыны (определение рода по женской линии). Противостояние маменькиных сынов (представители одного женского рода на представителей другого) четко просматривается в 300 А, где богатыри «бьются-ратятся» с многоглавыми сынами Яги-Змеи; есть даже текст, в котором сыновья после каждой победы шлют матушкам реляции «с фронта» и трофеи (змеиные головы), а также просьбы о поддержке – «чтоб служили малебны аб сваих дитях»⁸⁰; сюда же относится и соответствующий мотив материнской мести за гибель сынов-Змеев (встретился текст, где Змеиная мать чует гибель каждого сына и обещает смерть злодею-богатырю): «Змеева маменька по горенке погуливала, Ивашку поругивала: “Ох, Ивашка побивает моего дитятку ни за што! Я сама ему буду друг, да не вдруг: напущу... жару, и захочет он испить. Я сделаю колодец... влезет напиться, я его затоплю”...» (Садовников: 1, Самар.);

в) пример доминирования мужского родового права в богатырской сказке – в приветственной формуле Яга неожиданно апеллирует к своей родовой «мужской линии»: «...баба-яга и говорит: “Кто такой невежа приехал? Русского духу и дед мой и прадед не слыхали, а теперьча и сама русский дух хочу очьми видеть”...» (Афанасьев: 310, неизв.).

Все это, с одной стороны, существенно расширяет диапазон характеристик рассматриваемого типа Яги, с другой – позволяет вычленить основные специфические черты и определить, насколько воительница соответствует или не соответствует канонической Яге (что, собственно, и выявляет реальное функционирование образа).

В-четвертых, если вернуться к определению типа воительницы как нарушающего традиционные подачу/восприятие Яги (см. указанные К. В. Чистовым канонические характеристики Бабы-Яги), рассмотренные тексты дают следующие результаты:

1. Описания внешнего облика Яги-воительницы, антропоморфного в частности, практически отсутствуют; есть пара фиксаций «фрагментированного»

⁸⁰ Добровольский: 5, Смолен.

описания Яги, соответствующего традиционному (то, что видит герой, попав в избушку): «Сидит Яга-Ягинишна, Овдотья Кузминишна, нос в потолок, титьки через порог, сопли через грядку, языком сажу загребают...» (*Смирнов-1*: 150, Казан.); «приходит он в избу, лежит ега егишна, лука лукишна, нога костяна, жилина, одна нога в углу, другая – в другом, поднимат голову и спрашивают...» (*Азадовский-1*: 30, Верхнелен.). Отсутствуют описания в балагурном ключе с упоминанием частей тела (накрывание стола для гостя дорогого), но фиксируется акцентирование отдельных традиционных телесных характеристик Яги – усл. *костеногость* (но не одноногость), *железный зуб*, растрепанные космы, *горящие* или, наоборот, «оловянные» *глаза* (но отнюдь не слепота) и др.; за редким исключением, таковые являются частью именования: «Баба-Ига Кастиная Нага, сама ина была смуголь, а глаза у яе, как вуголь», «Баба-Яга... у ей бальной-пребальной адин зялезный зуб» и т. п.

Единственным на все рассматривавшиеся тексты приходится признать описание Яги, данное девицей, названной сестрой богатырей в 519-м: «...древняя старуха, лицо злющее, волоса длинные, седые» (*Афанасьев*: 198, неизв.); но эту старуху не могут удержать на месте двое богатырей: «Яга-Ягишна была сильная, этих двух молодцов по чаше ташшила и била...» (*Зеленин*: 7, Перм.). Вообще же, в данном типе описания внешности Яги заменяет имя⁸¹.

Отмеченные К. В. Чистовым в качестве канонических внешние маркеры Яги – *уродливая и безобразная старуха* – восприятие визуальное; чему, кстати говоря, вполне соответствуют упоминавшиеся лубочные изображения Яги-воительницы: № 38 – уникальное единственное изображение анфас: Яга *старая* – лицо все в морщинах, в глубоком декольте (платье мундирного (!) образца распахнуто до пояса) видны обвислые груди, но *сильная* и *злая* (sic! она изображена сидящей верхом, что невозможно с одной ногой, так что, «Баба Яга деревяна нога» в подписи – не что иное, как эпитет, включенный в имя). В более раннем изображении (№ 37) этот эпитет отсутствует, но и здесь Яга, хоть и в женском платье, сидит на свинье верхом (по-мужски), она «наезжает» на противника, поднявши пест и вывалив язык (ибо «в языке у ей вся сила...»). На самом деле, главным является восприятие эмоциональное, и это не обозначенное отвращение (*отвратительная*), а отнимающий силы страх, ужас – Яга *ужасна*, и не только внешне.

⁸¹ Как указывал С. Ю. Неклюдов, «природа персонажа в ее этически неоднозначных проявлениях определяет его имя, заменяющее внешнее описание, и это имя становится семантически чрезвычайно значимым. Узловые семантические характеристики, заложенные в названии, могут быть явными или существовать в виде его “внутренней формы”, т. е. либо в виде скрытых и не выраженных непосредственно смысловых свойств, либо в виде признаков, проявляющихся лишь в процессе разного сюжетного функционирования» (*Неклюдов С. Ю. Особенности изобразительной системы в литературном повествовательном искусстве: Ранние формы искусства. М., 1972. С. 200*). О том же писала и Е. С. Новик: «Значимость имени персонажа и, следовательно, его метафорической сущности развертывается в действие, составляющее мотив; герой делает только то, что семантически сам означает» (*Новик Е. С. Система персонажей русской волшебной сказки. С. 217*).

Две неизменные базовые характеристики Яги – *страх*, который она внушает⁸², и *старость*, которая вовсе не означает слабости, дряхлости – друг другу не противоречат и выступают на первый план в типе воительницы. Недооценка противника по внешнему виду для героя оборачивается фатальной ошибкой: «Да што ты, старая баба, за воин такей, што на ступи ездить, тавкачом паганяишь, пумялом след замитаишь...» <...> Иван Иванович схватиў вострый свой меч, штоб срубить галаву Бабы-Яги; а Баба-Яга, апирядиў яго, як рубанула лазовым прутыкым и пирырезала яго на двая: адна палавина трупа на адну сторону, а другая на другую...» (*Добровольский*: 13, Смолен.).

2. Среди функциональных характеристик Яги-воительницы, отличающих этот тип от прочих, и, соответственно, определяющих его специфику, преобладают агрессивность и активность, инициативность Яги, а также стремительность реакций – они не столько ответные, сколько опережающие действия противника; как уже отмечалось, статичное положение в избушке – редкость для воительницы, ее *modus vivendi* – движение. Кроме того, характеризующими Ягу этого типа элементами, обычно взаимосвязанными, являются:

А) **Сила**, которой Яга обладает и оперирует (накопление, перераспределение (наделение / отнимание)), причем это сила разного рода – от физической до колдовской. Пример – прерывание Ягой поединка на роздых и испивание воды: намереваясь восстановить и приумножить собственные силы, Яга бросается к воде «сильной», герою же, если вода и предлагается, то «бессильная», чтобы «силу [его] поменьшить». Известно, что обман в данной ситуации, как правило, обоюдный, так как герой еще до боя меняет местами сосуды с сильной и бессильной водой, да и сильная вода им уже опробована. Напомним, что поединок – способ померяться силами, испытание противниками сил (уничтожение слабого – не цель, но побочный эффект); хотя обоими могут использоваться приемы «продавливания» оппонента – Яга может проверять героя на страх (= попытка обессилить), герой же через нарочитую грубость демонстрирует свою защищенность.

Превалирует сила колдовская (магическая): Яга оживляет убитых, возвращает или отнимает жизненную силу; создает и использует чудесные объекты (предметы и живых существ); чудесным образом работники и слуги Яги пополняют ее войско и т. д. Но ведьмовство, вернее ведовство (знание), Яге этого типа не чуждо: она обычно знает, кто попал к ней «в гости», и называет гостя по имени (что, как известно, дает власть над его носителем); Яга-Змея знает о гибели своих сынов/зятьев и сообщает об этом невесткам/дочкам: «Сидите и моего

⁸² «Искр взял кнут и ударил им кобылицу, та превратилась в страшную Бабу-Ягу, весь народ испугался и убежал со двора...» (*Смирнов-2*: 304, Тобол.). А в сказке «Иван-царевич и Белый Полянин» сестры царевича всякий раз стыдят брата, теряющегося при виде несчетных вражеских рагей, окружающих их город: «Ах ты, храбрый воин! Чего убоялся? Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает? А ты, ничего не видя, испугался!» (*Афанасьев*: 161, неизв.).

и своего горя не знаете, что богатырь Ванька перебил насмерть моих сыновей, ваших братьев – трех Змеев...» (*Чернышев*: 82, Псков., = БЯ – старуха, ведьма), и т. д.

Магия Яги древняя, одна ее часть связана с природными стихиями (водой, огнем, ветрами); в ряде случаев во власти Яги оказываются *небесные светила, пространство и время* (СУС 300 А*); с помощью колдовства она манипулирует человеческими *чувствами/ощущениями* – наводит морок, вызывает страх, жажду, голод, сон и т. д.: «Какъ ухаў у лесъ сделалась теминь, халодный ветирь и лютый марозъ. И сделался ему великий блудъ, заблудивъ онъ у тымъ лесу и заначувавъ...» (*Добровольский*: 14, Смолен.).

Другая часть связана с активным применением *оборотничества*: Яга свободно меняет собственный облик (максимум дает 300 А), превращается в бурю, гору, свинью, змею, золотую птичку, медведя, волка и т. д., и оборачивает других, здесь чаще всего в камень, используя различные колдовские приемы, такие как: а) *слово* (заклятье) в сочетании с ударом – «выскочила из избушки Яга-Баба со пестом и хлопнула Федора Водовича в голову: “Быть ты, Федор Водович, серым камнем”» (*Ончуков-1*: 4, Олонец.); б) *вырывание волосков* – «“Вырви пять волоскоў” Ион вырваў и падаў ей. Ина як дунула, так Иван Иванович и яго ахота акамянела... <...> ...ана как дунула на еты камни, так яны и сделались людьми» (*Добровольский*: 14, Смолен.); в) *опоясывание* – «...[выходит к костру] старая старушка... “...на поясочек, свяжи [охоту], чтобы... меня не тронула”. ...взял да связал. Она закаменела вся его охота» (*Куприяниха*: 11, Воронеж.).

Но в той или иной мере колдовство и ведовство – норма для Бабы-Яги, функциональная характеристика любого ее типа.

Б) Яга-воительница – владетельная *хозяйка* с обостренным чувством собственности, так как готова *защищать* все, что полагает «своим» (земельные владения в приоритете – «*мое* приволье», «*мой* луг», «*мое* урочище», и т. п.). Большая часть агрессивных действий Яги определяется как реакция на нарушение установленных ею границ и правил: посягательство на принадлежащее ей и/или ее семье-роду (земли, дом, скот, еда, чудесные объекты) – мотив наказания за «невежество»; убийство ее родичей (братьев или детей) – мотив мести за их гибель, за пресечение рода – «кровь за кровь».

Маркирующее тип повышенное движение Яги в пространстве «этого» и «иногo» миров, а также обычное местоположение ее жилища и владений в пространстве «иногo» мира, ставит под сомнение традиционную трактовку Яги как стража границы между мирами. Границы могут соблюдаться Ягой и ее аналогами – «...до столба доехал; а тут земля разделена: эта земля русская, а эта – поляцкая. Он проехал столб, а она [поляница, богатырка] стала доставать уже, проехала столб – у нее конь по колено в землю стал уходить, – она назад воротилась, уехала...» (*Балашов*: 43, Мурман.); и могут нарушаться – Яга-воительница активно пользуется разграничивающими и контактными зонами, вертикальными и горизонтальными ходами между своим и чужим пространством.

Так, любая текучая вода для Яги, включая огненную реку, является разграничителем своего и чужого пространства по горизонтали («За огненной рекой Яга-баба живет...»), контактной зоной и ходом через которую становится мост (Калинов, а на огненной реке – волшебный). Разграничителем по вертикали является ход – «нора», «дыра», «пропасть», который, если судить по пути героя туда и обратно, может быть чрезвычайно глубоким: «...провалился сквозь землю; летел двенадцать дней и ночей, пал на землю и вздухи отшиб у себя. Затем он выходит на Сиянскую гору...» (*Записки-1, кн. 2: 13, Енисей.*). Обратный вертикальный путь героя столь же нескончаем и труден: «...[необычная птица берется вынести его наверх, для чего заготавливаются и берутся с собой 40 бочек мяса, 40 бочек воды.] Летят, все кончается, нести сил нет, чтобы не упасть – “мяса подавай, а то упадем на землю обратно, у меня больше мочи не стало кверху лететь”. [Герой режет и скармливает птице икры своих ног]» (*Никифоров: 109, Архангел.*).

Примечательно, что вертикальное перемещение из мира в мир дается Яге без проблем, похоже, дело здесь в том, что подземный/подводный (хтоничный) мир – ее мир, она в нем хозяйка: «...становится земля пупом, из-под земли камень выходит, из-под камня баба-яга, костяная нога...» (*Афанасьев: 155, неизв.*); «Баба-Яга наутек бросилась <...> прибежала она к глубокой пропасти, подняла чугунную доску и скрылась под землею...» (*Афанасьев: 161, неизв.*); горизонтальное же пересечение границы или вызывает затруднения, или оказывается непреодолимым, особенно когда границей является огненная река: «...есть у меня платочек. Я им махну, огненную реку пушу, – она [Яга] не может за эту реку переехать...» (*Азадовский: 30, Верхнелен.*).

В) **Атрибутика** воительницы демонстрирует смешение типичного, характерного для Яги вообще, со спецификой непосредственно данного типа:

Традиционное жилище Яги – *избушка на курьих ножках* – фиксируется очень редко, так как для типа воительницы не актуально: в первом эпизоде 301-го Яга сама приходит к героям (дом фактически не ассоциируется с Ягой), а во втором – жилище Яги в подземии не акцентируется, опознавательные маркеры здесь герою не нужны, он знает, к кому идет и зачем. Представление о жилище Яги-воительницы сильно варьирует – может указываться дворец, дом с подворьем, терем и т. д., но его местоположение в большинстве случаев вовсе не в лесу или около леса, как закреплено нормой, но у воды (за рекой, за мостом у дороги, за морем, у моря и т. д.).

Ступа как средство передвижения и *пест* в качестве погоняла актуальности для Яги-воительницы не теряют, но получают дополнительные характеристики. Так, в рассмотренном материале встретилось: а) толчение противника пестом в ступе как способ его уничтожения (= лишение силы); б) нанесение героем удара по ступе, снимающее магическую защиту с неуязвимой Яги-богатырки, лишение ее силы: «бьет... по ступы ей. И она овернулась женщиной. Он схватил ее и запихал в мешок и давай топтать...» (*Никифоров: 109, Архангел.*).

Пест используется Ягой этого типа и как характерное для нее универсальное боевое оружие, и как магический жезл: «...она [баба-яга] сильная волшебница. У ней есь такая волшебная клюка, раз она ей ударит, то никакой богатырь не может на свете жить...» (Коргуев: 38, Мурман.).

В арсенале Яги-воительницы имеется и другое *оружие* – меч, топор, кривая коса, сабля, огненный щит и т. д., которым она успешно пользуется. Поскольку Яга-воительница дает постоянные пересечения с колдуньей, у нее немало волшебных средств воздействия на противника – (лазовый) пруттик, палящие огнем змеи, сосуды с сильной и бессильной водой и т. д.; ее отличает владение магией слова (заклинания, в частности).

Г) Яга-воительница, как показывают тексты, «работает» и в роли *исты-тующего*. Испытание может затрагивать воинское братство (проверка истинного героя) и братство семейно-родовое (на старшинство, «большину»), и нет сомнений, что это род предварительного испытания, причем вполне архаичного, тем более что испытующий – не просто женщина, но, в общем-то, матриарх. Испытание может давать пересечение с брачными мотивами (есть переключка с былинным материалом): а) брачный элемент в 327 В** с выходом на атавистическое материнское право отдавать дочерей (сколько есть братьев, столько ищется и невест-сестер, дочерей одной матери); есть текст с испытанием героев кормлением – организуется застолье – «у меня в дому по столу честь... невеста роду не простова» (девицы-голубицы – дочери Яги); б) условно брачный в 300 А: Змей при встрече с героем на Калиновом мосту может выяснять, зачем тот пожаловал – биться? мириться? брататься? или дочерей/сестер моих сватать?..; в) в 302-м также: «дам тебе счастье... выбирай любую дочку» (девицы-кобылицы); г) во 2-м эпизоде 301-го – освобожденные героем дочери Яги или царевны подземных царств нередко помогают герою не только за обещание вывести их из подземья, но и за обещание взять в жены.

Добавим также, что при свойственной для типа воительницы агрессивности, Яга-испытующий может демонстрировать характерную для роли арбитра отстраненность и невозмутимость, свойственную древним божествам – ни друг, ни враг («ничего личного») – все зависит от испытываемого.

Д) Яга-воительница вовсе не одинока, ее *родственные связи* представлены в изобилии, и, как показывают тексты, важны для нее, она их по-своему ценит и защищает (см. мотив мести в сюжетах 300 А и 303), или использует (дочери-приманки в 302₂ и 327 В**). В любом случае, тип служит опровержением Никифоровского утверждения, что Яге таковые чужды⁸³, так как

⁸³ «...тот факт, что баба-яга на всем протяжении своего развития выступает как безмужняя, не имеющая даже понятия о мужчине, позволяет предположить, что за слоем древней божественно-космической персонификации яги мы вправе видеть еще один наидревнейший, уже вполне реально-бытовой образ матриархальной владычицы-старухи, матери примитивного родового человеческого общества. За это говорят и такие реликты в сказке, как указание на полное непонимание ягою родственных связей, ибо она гонится за братом, чтобы его съесть, и тот спасается у Солнцевой сестры (Аф., № 50)» (Никифоров А. Н. Кошей. Макар. Яга // Живая старина. 1994. № 2. С. 49).

у Яги-воительницы есть братья и сестры, дочери и сыновья (правда, упоминаемых Д. Чулковым внушек нет), и даже муж – Змей, колдун, аналог Вия. Эпизод с ним представляется не исконной частью сюжета, а добавлением позднего времени к концовке 300 А. Генезис и странная связь этого персонажа с брачным мотивом позволяют предположить заимствование (возможно, из польск. через белор.).

Большинство родни имеет змеиный генезис, подтверждая змеиную природу самой Яги с ее хтоничностью, соотнесенностью с подземным (= иным) миром, на териоморфизм которого указывал В. Я. Пропп; и связью со всяческой водой (от моря-реки-озера до источников живой и мертвой воды) + часто фиксируемое прямое именование Яги Змеею, ее превращение в Змею, наличие в ее облике змеиных черт и т. д. Очевидно, что в типе воительницы змеиные маркеры Яги проявляются намного сильнее, нежели в других типах. Сочетание типа воительницы и змеиных связей и черт Яги дает выход на змееборство (возможна (?) связь данного типа Яги с «основным» мифом).

Едва ли функционирование Яги-воительницы можно считать «неспецифическим», тем более что таковое не ограничивается одним сюжетом, а в различной степени проявляется в группе сюжетов; данный тип, безусловно, обладает спецификой, но определять ее элементы как «размытые традиционные черты» неверно. Очевидно, что воительница – полноценная составляющая образа Бабы-Яги, не уступающая помощнице-дарительнице и похитительнице-людоедке. Это подтверждает разработанность типа, позволяющая видеть не только специфические черты, но и черты, общие с другими типами; и это подтверждает внушительное количество текстов, в которых функционирует Яга-воительница или проявляются отдельные специфические черты таковой. Напомним, что основной для типа Яги-воительницы сюжет о трех царствах (301 А, В) признан более популярным, чем известные 327-й в вариантах (особенно 327 С, F ‘Мальчик и ведьма’) и 480-й в вариантах (‘Мачеха и падчерица’).

Источники текстов (в скобках даны номера/страницы текста в сборнике, место записи, номер СУС, а также указываются аналоги БЯ)

Азадовский-1 – Азадовский М. К. Верхнеленские сказки. Иркутск, 1938 (№ 30 (552 + 302₂)).

Азадовский-2 – Русские сказки в Карелии. Старые записи / Подгот. текстов, стат. и коммент. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947 (№ 8, Олонец. (650 А + 300 А + 519)).

Афанасьев – Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М., 1957 (№ 105 доп., неизв. (–327 В**); 134, белор. (к 300 А; = БЯ – Змея, жена Змия); 135, Брян. (300 А; = БЯ – Змеиха, теща Змеев); 136, Оренбург. (300 А; Баба-Яга – мать Змеев); 137, неизв. (300 А; = БЯ – старая Змеиха, мать Змеев; в вар. – старая ведьма, теща Чуд-Юд); 138, Саратов. (300 А; = БЯ – Змеиха, мать Змеев); 140, неизв. (301 А, В; = БЯ – старичок сам в аршин, борода семь аршин); 141,

неизв. (301 А); **142**, неизв. (301 А); **155**, неизв. (303); **159**, неизв. (к 302₂); **160**, Брян. (302₂; = БЯ – старуха); **161**, неизв. (усл. 301 А, В); **198**, неизв. (519); **199**, неизв. (519); **200**, Нижегород. (519; = БЯ – Змей)).

Балашов – Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л., 1970 (№ **40**, Мурман. (301 А, В); **43**, Мурман. (301 А, В); **54**, Мурман. (725 + 518 + 519); **55**, Мурман. (650 А + 301 А, В); **32**, Мурман. (к 303; = БЯ – колдунья-чернавка); **95** доп., Мурман. (301 В; = БЯ – колдунья)).

Бахтин, Ширяева – Сказки Ленинградской области / Собр., подгот. В. Бахтин, П. Ширяева. Л., 1976 (№ **17** (301 А; = БЯ – мужичок-с-ноготок); **73** доп. (к 300 А; = БЯ – ведьма)).

Власова, Жекулина – Традиционный фольклор Новгородской области: Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры (по записям 1963–1999 г.) / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб., 2001 (№ **35** доп. (к 301 А, В; = БЯ – Вихрь); **38** (к 302₂; = БЯ – мужичок встречный)).

Власова – Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Вступ. статья, сост., подгот. текстов и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2011 (№ **22**, Архангел. (301 А, В); **38** доп., Архангел. (к 300 А; = БЯ – старуха-чернокнижница); **50**, Архангел. (301 А, В; = БЯ – сам с ноготь, Кощей)).

Галкин – Русские народные сказки Урала / Ред.-сост. П. Галкин, М. Китайник, Н. Куштум. Свердловск, 1959 (с. **189–193** (301 А, В)).

Гацак – Фольклорные сокровища Московской земли / Отв. ред. Е. М. Гацак. Т. 3: Сказки и несказочная проза. М., 1998 (№ **21** (300 А); **60** (567 + 303 + 300 А; = БЯ – старуха, мать Змея)).

Гура – Сказки. Песни. Частушки / Под ред. В. В. Гуры. [Вологда], 1965. Раздел «Сказки». С. 213–281 (№ **17**, Вологод. (300₁ + (303)); **20**, Вологод. (301 А + 300 А; = БЯ – а) старичок сам с ноготок, а борода 7 локтей, б) 3 сестры-волшебницы (= невестки матери Змеев)); **29**, Вологод. (301 А, В; = БЯ – а) старик с ноготок, борода с локоток, б) Змей)).

Добровольский – Смоленский этнографический сборник / Сост. В. Н. Добровольский. Ч. 1. Зап. ИРГО по отд. этнографии. Т. 20 (раздел: Сказки). СПб., 1891 (№ **5** (300 А; = БЯ – карова-гадина); **6** (650 А + 301 А, В + 300 А); **7** (= БЯ – мать акаянный силы); **8** (300 А; = БЯ – Змея Шкурупея); **13** (300₁ + 303); **14** (303)).

Записки-1, кн. 1, 2 – Записки Красноярского подотдела Восточносибирского отдела ИРГО по этнографии. Т. 1. Кн. 1 (под ред. А. В. Адрианова). Красноярск, 1902. Кн. 2 (под ред. Г. Н. Потанина). Томск, 1906 (№ кн. **1: 34**, Минусин. (300 А); кн. **1: 55**, Том. (302₂; = БЯ – вдова); кн. 2: 13, Енисей. (301 В)).

Зеленин – Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. Записки ИРГО по отд. этнографии. Т. XLII (62). Пг., 1915 (№ **86** (552 + 302₂)).

Зеленин – Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914 (№ **6** (552 + 302₂); **7** (519 + 300₁); **9** (300 А* + 300 А + 513 А); **22** (301 А, В; = БЯ – сам-с-ноготь, Кощей); **27** (312 D + (519))).

Зиновьев – Русские сказки Забайкалья / Подгот. текстов, составление, предисл. и примеч. В. П. Зиновьева; вступ. ст. В. Г. Распутина. Иркутск, 1983 (№ **35** доп. (315 + 300 А; = БЯ – нечистая сила, Чудище); **36** (650 А + 301 А, В; = БЯ – старик сам с ноготь); **37** доп. (1640 + 301 А, В; = БЯ – старик сам с перст); **31** доп. (к 302₂; = БЯ – волки, стерегущие табун)).

Карнаухова – *Карнаухова И. В.* Сказки и предания Северного края. М., 1934 (№ **133**, Архангел. (303; = БЯ – баба, мать 7-главого Змея); **141**, Архангел. (к 302₂); **163**, Архангел. (303 + 513 А + 300 А; = БЯ – старуха, мать Поганных Долиц); **166** доп., Архангел. (303 + 519; = БЯ – икотница)).

Коргуев – Сказки М. М. Коргуева. Кн. 1. Петрозаводск, 1939 (№ **8**, Олонец. (552 + (400 А + 554); = БЯ – тетка Кощя, волшебница); **11**, Олонец. (301 А, В; = БЯ – старичок сам с ноготок); **38**, Олонец. (301 А)).

Королькова – Русские народные сказки, рассказанные воронежской сказочницей А. Н. Корольковой / Сост. и отв. ред. Э. В. Померанцева. М., 1969 (с. **189–192**, Воронеж. (303; = БЯ – старуха)).

Красноженова – *Красноженова М. В.* Сказки Красноярского края / Под общ. ред. М. К. Азадовского и Н. П. Андреева. Л., 1937 (№ 18, Краснояр. (301 В)).

Куприяниха – Сказки Куприянихи / Зап. и коммент. А. М. Новиковой и И. А. Осовецкого. Воронеж, 1937 (№ **11**, Воронеж. (300 А + 303 + 554)).

Матвеева, Леонова – Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных / Сост. Р. П. Матвеева, Т. Г. Леонова. Новосибирск, 1993 (№ **1**, Иркут. (301 А, В + 300 А + 3021); **4**, Краснояр. (303 + 4002 + 552 + 301 А, В + 3021); **5**, Дальн. Вост. (650 А + 301 А, В + 552 + 4011; = БЯ – а) старик сам с ноготь; б) старушка, 7 жеребят и 7 кобыл хозяйка); **21**, Иркут. (725 + 519)).

Молдавский – *Молдавский Д. М.* Господин Леший, господин Барин и мы с мужиком. Л., 1990 (с. **146–155**, Новгород. (301 А, В; = БЯ – старик сам с аршин, борода две сажени, волхид)).

Никифоров – Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961 (№ **36**, Олонец. (300 А + 301 В; = БЯ – а) старуха-змея, мать Змеев; б) старик сам с ноготок); **73**, Архангел. (554 + 300₁ + 303; = БЯ – бабка); **77**, Архангел. (усл. 301; = БЯ – белый медведь); **99**, Архангел. (303 + 300₁; = БЯ – старуха); **109**, Архангел. (650 А + 301 А, В; а) Баба-Яга; б) = БЯ – старичок)).

Новиков-1 – Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII вв.) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. В. Новикова. Л., 1971 (№ **7**, неизв., ркп. XVIII в. (650 А + 301 В + 300); **30**, неизв., из сб-ка П. Тимофеева (552 + 302₂)).

Новиков-2 – Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Новикова. М.; Л., 1961 (№ **5** доп., неизв. (к 313 Н*); **6**, неизв. (4002); **20** доп., неизв. (312 D; = БЯ – Змей)).

Ончуков-1 – Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова. Зап. РГО по отд. этнографии. Т. 33. СПб., 1908 (*Ончуков Н. Е.* Северные сказки. Кн. 2. СПб., 1998)

(№ 4, Архангел. (300₁ + 303); **27**, Архангел. (300 А); **34**, Архангел. (650 А + 301 А); **79**, Олонец. (650 А + 301 А; = БЯ – бабка, старуха); **152**, Олонец. (к 303); **241**, Архангел. (301 А, В; = БЯ – а) сам с ноготь; б) Баба-Яга и две ее дочери)).

Ончуков-2 – Неизданные сказки из собрания Н. Е. Ончукова (тавдинские, шокшозерские и самарские сказки) / Подгот. текстов В. И. Жекулина, вступ. ст. и коммент. В. И. Еремина. СПб., 2000 (№ 1, Тавдин. (567 + 300 А + 513 А; = БЯ – 12-главая Змея, мать Змеев); **7**, Тавдин. (301 А, В; = БЯ – а) старик сам с ноготь; б) 12-главая Змея); **10** доп., Тавдин. (301 А, В + 300₁); **30**, Тобол. (303 + 300₁ + 402 + 400 + 302₂; = БЯ – старуха); **65**, Олонец. (к 303; = БЯ – старуха)).

Разумова – Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. Г. Сенькина; ред. И. М. Колесницкая. Петрозаводск, 1974 (№ 30, Олонец. (300₁ + 301 А; = БЯ – Чудо-Юдо); **50**, Олонец. (519; = БЯ – лесная ведьма); **54**, Олонец. (301 А, В; = БЯ – мужичок-с-ноготок)).

Ровинский – Русские народные картинки. Собрал и описал Д. А. Ровинский. Т. 1–3. СПб., 1881 (№ **37**; **38**, неизв. подписи к лубочн. картинкам (усл. 302₂)).

Садовников – Сказки и предания Самарского края / Собр. и зап. Д. Н. Садовниковым. Зап. ИРГО по отд. этнографии. Т. 12. СПб., 1884 (№ 1 (300 А + 313 А; = БЯ – Змеева магушка); **4** (300₁ + (301) + 303 + 302₂; = БЯ – бабушка Марьи Красы)).

Сидельников, Крупянская – Волжский фольклор / Сост. В. М. Сидельников, В. Ю. Крупянская; предисл. и под ред. Ю. М. Соколова. М., 1937 (№ 3, Сред. Поволж. (300 А; = БЯ – самая старая старуха из змей-баб)).

Симина – Пинежские сказки / Собр. и зап. Г. Я. Симиной. Архангельск, 1975 (№ **36** доп., Архангел. (532 + 300₁; = БЯ – старуха)).

Смирнов-1 – Сборник великорусских сказок Архива РГО. Изд. А. М. Смирнов. Вып. 1. Пг., 1917 (№ **11** доп., Архангел. ((301 В) + 300 + (519); = БЯ – старушка, мать Ворона Вороновича); **108**, Псков. (302₂ + 4001); 150, Казан. (300 А); **160**, Нижегород. (301 А, В; = БЯ – мужичок-с-ноготок)).

Смирнов-2 – Сборник великорусских сказок Архива РГО. Изд. А. М. Смирнов. Вып. 2. Пг., 1917 (№ **183** доп., Смолен. (к 300 А; = БЯ – 3-я из трех барышень, приятельниц Змеев); **304**, Тобол. (300 А); **341**, Тобол. (к 301 В); **360** доп., Тобол. (к 301 А; = БЯ – мужичок-сам-ноготок)).

Соколовы – Соколовы Б. Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915 (№ **37**, Вологод. (300 А; = БЯ – мать Змеев); **105**, Вологод. (301 А, В; = БЯ – а) сам с ноготок; б) трехглавый Змей); **112**, Вологод. (300 А; = БЯ – мать Идолиц Поганых); **140**, Вологод. (усл. 519); **143**, Вологод. (519); **153** доп., Вологод. (к 301 В; = БЯ – Вихори Вихоревичи, многоглавые Змеи)).

Старая погудка – Старая погудка на новый лад. Русская сказка в изданиях конца XVIII века. СПб., 2003 (Старая погудка на новый лад или Полное собрание древних простонародных сказок. Ч. 1–3. М., 1794–1795) (№ 1, неизв. (усл. 301 А, В); **10**, неизв. (301 А, В); **20**, неизв. (301); **34**, неизв. (к 301)).

Худяков – Худяков И. А. Великорусские сказки. Вып. 1–3. М., 1860–1862 (*Худяков И. А.* Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб., 2001)

(№ 5 доп., Рязан. (650 А + 301 А, В); 19, Рязан. (325 + 519; = БЯ – змей); 20, Рязан. (552 + 850 + 4001 + (302₂); = БЯ – король, хозяин табуна); 45 доп., Рязан. (301 В); 46, Рязан. (300 А); 81 доп., Рязан. (к 301)).

Чернышев – Сказки и легенды Пушкинских мест. Записи 1927–1929 гг. Зап. на местах, наблюдения и исследования В. И. Чернышева. / Подг. к изд. Н. П. Гринковой и Н. Т. Панченко. М.; Л., 1950 (№ 2, Псков. (300 А + 301 А; = БЯ – змея); 45, Псков. (303 + 300₁ + 313; = БЯ – лиса / волк [зверь] / медведь / змея – лубяные глаза); 82, Псков. (300 А + 513 А; = БЯ – старуха, ведьма, мать троих Змеев и их троих сестер)).

Эрленвейн – Эрленвейн А. А. Народные сказки, собранные сельскими учителями Тульской губернии. М., 1863 (№ 23 (303 + 300 А); 24 (552 + 302₂); 28 (300 + 519; = БЯ – Змей); 30 (551 + 302₂; = БЯ – баба); 31 (301 А, В; = БЯ – мужичок-с-ноготок, борода-с-локоток)).

Литература

Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960.

Былины Зимнего берега Белого моря (Свод русского фольклора: Былины в 25 т. / Отв. ред. А. Н. Власов). Т. 8. СПб.; М., 2018.

Власова М. Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий: иллюстрированный словарь. СПб., 1995.

Глинка Г. А. Древняя религия славян. Митава, 1804 // Мифы древних славян / Сост. А. И. Баженова, В. И. Вардугин. Саратов, 1993. С. 93–128.

Добровольская В. Е. Баба-Яга: к вопросу об истинной природе и возможной эволюции персонажа // Образный мир традиционной культуры: Сборник статей. М., 2010. С. 24–35.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Кайсаров А. Славянская и российская мифология // Мифы древних славян / Сост. А. И. Баженова, В. И. Вардугин. Саратов, 1993. С. 23–68.

Корепова К. Е. Русская лубочная сказка. Н. Новгород, 1999.

Мифологические рассказы Русского Севера / Сост. и коммент. О. А. Черепанова. СПб., 1996.

Неклюдов С. Ю. Особенности изобразительной системы в литературном повествовательном искусстве: Ранние формы искусства. М., 1972.

Никифоров А. Н. Кощей. Макар. Яга // Живая старина. 1994. № 2. С. 49.

Новик Е. С. Система персонажей русской волшебной сказки // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 214–248.

Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974.

Новиков Н. В. Русская сказка в ранних записях и публикациях // Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. В. Новикова. Л., 1971. С. 3–39.

Онежские былины. Записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. 1–3. 4-е изд. М.; Л., 1950.

Песни о девушке-воине и былины о Ставре Годиновиче. Исследование по истории развития славяно-русского эпоса И. Сазоновича. Варшава, 1886.

Попов М. Описание древнего славенского баснословия. СПб., 1768 (Приводится по: *Попов М. И.* Описание древняго словенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабденнаго примечаниями. – Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. IV. Salamandra P. V. V., 2010. 80 с., илл.: PDF).

Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре (Разыскания в области филологии, истории и традиционной культуры). М., 2007.

Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней. Материалы полевой и архивной коллекции Л. М. Ивлевой / Сост., подгот. текстов и справ. аппарат В. Д. Кен. СПб., 2004.

Протт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

Протт В. Я. Морфология сказки. Л., 1969.

Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971.

Райан В. Ф. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России / Пер. с англ. М., 2006.

Сестри Л. Баба-Яга и змей // Русский фольклор. Т. 34. СПб., 2011. С. 209–214.

Русская бытовая повесть XV–XVII вв. / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Н. Ужанкова. М., 1991.

Русские народные картинки. Собрал и описал Д. А. Ровинский. СПб., 1900 (1-е изд. – 1881 г.).

Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. Репринт издания 1880 г. М., 1990.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1–5. М., 1995–2012.

Соколов Б. М. «Баба Яга деревяна нога едет с каркарладилом дратитися»: Слово в лубке как символ «письменной культуры» // Живая старина. 1995. № 3. С. 52–53.

Титова Л. В. «Беседа отца с сыном о женской злобе». Исследование и публикация текстов. Новосибирск, 1987.

Толстой Н. И. Мифологическое в славянской народной поэзии: 4. Отчего перевелись богатыри на Святой Руси? // Живая старина. 1996. № 4. С. 36–37.

Черепанова О. М. Культурная память в древнем и новом слове. СПб., 2005.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: Т. 1–2. 2-е изд., стереотип. М., 1994.

Чистов К. В. Баба Яга. Заметки по славянской демонологии // Живая старина. 1997. № 2. С. 55–57.

Чулков М. Словарь русских суеверий. СПб., 1782.